

Екатерина Шашкова

Река ведет к Истоку

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

Нина всегда считала, что приключения — это для романтиков и идеалистов. А у нее все будет по плану: учеба, работа, семья и никаких рискованных авантюр. Всего-то и надо отдать сестре магический дар, красавца-мужчину и возможность жить в другом мире, а самой остаться дома и сделать вид, что ничего странного не произошло.

И ведь получилось!

Тогда откуда это чувство, словно она только что совершила самую большую ошибку в жизни?

Екатерина Шашкова

Река ведет к Истоку

© Шашкова Е. В., 2017

© Художественное оформление, «Издательство Альфа-книга», 2017

* * *

Пролог, в котором *Нина отказывается от очень заманчивого предложения*

Двадцать лет назад

Часы мерно отстукивали секунды, одну за одной.

Всеми позабытые свечки на торте давно расплылись цветными парафиновыми лужицами, и Нина отстраненно подумала: как же их оттуда выковыривать и не испортится ли от этого торт? Да и имеет ли теперь этот торт хоть какое-то значение?

Кольцо лежало на столе: массивное, тяжелое даже на вид — крупный зеленый камень, оправленный в серебро. Серебро почернело от времени, поэтому украшение смотрелось мрачно, даже зловеще. Впрочем, в темноте все кажется немного зловещим.

А ведь они и не заметили, что все это время сидели в темноте. По крайней мере ошарашенная новостями Нина не заметила. Гость пришел на закате, но когда был этот закат? Сколько часов назад? И сколько осталось до рассвета?

Девушка поднялась со стула, щелкнула выключателем.

В комнате стало немного светлее. Уютнее не стало: сразу бросились в глаза пожелтевшие обои, старенькая клеенка на столе, ободранная и покосившаяся дверца книжного шкафа, из-за которой выглядывали потрепанные обложки любовных романов. Галкиных, конечно.

Сама Нина такое не читала. Пролистала пару книг из любопытства, но быстро усвоила, что все они написаны по одному шаблону, и забросила. А вот старшая сестра читала запоем. Приходила с работы и падала в круговорот чужих чувств и эмоций. Галка верила в любовь, ждала ее, искала — и не находила.

До сегодняшнего дня.

Сложно не влюбиться, когда с последним закатным лучом в дверях возникает прекрасный мужчина в странной одежде и говорит, что пришел забрать одну из девушек в волшебный мир. Кому же не захочется оставить все это старое, серое, затхлое — и отправиться в сказку следом за галантным кавалером? Стать волшебницей, сильной и влиятельной, жить долго и счастливо и умереть со своим избранником в один день, предварительно наплодив детей и понянчив внуков!

Судя по Галкиному лицу, она уже в красках представила эту идиллическую картину и готова была в любой момент бросить реальный мир и отправиться в волшебное путешествие...

...но тут выяснилось, что пришелец явился не за ней.

И это известие не обрадовало никого.

Галка даже не заметила, что в комнате зажегся свет. Она не сводила глаз с мужчины, принесшего кольцо. Тот отвечал мягкой улыбкой.

Нина с каждой минутой все больше чувствовала себя лишней. А еще — одинокой, чужой, всеми забытой. Маленькой девочкой в растянутом свитере, которая сегодня зачем-то надела нарядную блузку. Но ведь это был ее день. Ее праздник!

Восемнадцать лет, торт и свечи. А потом прозвучал звонок в дверь — и пришел этот... прекрасный принц, чтоб его.

Незванный гость и Галка по-прежнему смотрели друг на друга. Кольцо лежало между ними — такое доступное, близкое. Протяни руку, возьми, надень на палец — и все изменится. Начнется новая жизнь.

Новая жизнь в новом мире.

Не для Нины.

Галка, конечно, будет против. Точнее, сделает вид, что против. Начнет сопротивляться, возмущаться, попытается переубедить. Но потом смирится и согласится.

Да, именно так все и произойдет.

— Я могу отказаться от кольца? — спросила Нина. От волнения голос показался хриплым и будто чужим.

Мужчина всем телом развернулся к Нине. Удивления в его взгляде не было. Скорее вежливая заинтересованность.

— Так могу или нет? — повторила девушка.

— Теоретически — можете. — Голос колдуна звучал приятно. Бархатный такой, обволакивающий, очаровывающий. За обладателем такого голоса хотелось немедленно идти на край света, не собрав чемодан, забыв погасить свет в ванной и не выдернув шнур утюга из розетки.

«Чары! — напомнила себе Нина. — Это просто чары. Специально на таких дурочек рассчитаны. И Галка должна это понимать!»

Но та, похоже, не понимала.

Кажется, она даже не расслышала вопроса сестры. Сидела, уставившись в одну точку, как заколдованная.

— Что вы с ней сделали? — спросила Нина.

— Ничего особенного. Слегка усыпил, чтобы у нас появилась возможность поговорить без помех. Итак, клисса, вы хотите отказаться от наследства?

Нина кивнула.

— В ее пользу, если я правильно понимаю? — Мужчина указал взглядом на Галку.

Нина снова кивнула.

— Могу я поинтересоваться почему?

— Мне кажется, она это заслужила. Она меня воспитала. Заменяла мне всю родню. Работала на двух работах, чтобы как-то прокормить и одеть. Она столько времени потеряла ради меня. И если я сейчас просто уйду, оставив ее здесь... Я попаду в сказку, а она останется в реальности, да еще и совсем одна... Это... ну... нечестно, понимаете? Тем более она старшая. По закону наследство должно достаться ей.

— У нас разные законы. А ваша прабабушка довольно однозначно сказала, что завещает силу младшей в роду. Стало быть — вам.

— А я не приму! Не нужна мне такая сила! — Голос дрогнул, но собеседник этого вроде бы не заметил. Покачался на стуле, что-то обдумывая, и спокойно произнес:

— Хорошо, спорить и уговаривать не стану. Но должен предупредить, что, отказавшись от камня, вы больше никогда не сможете претендовать на него вновь. Если ваша сестра умрет, не оставив наследника, ее сила будет изъята в общий фонд Истока.

— Я понимаю.

— И еще одно условие. Галине вы объясните все это сами. Объясните, поможете собраться, попрощаетесь — и сделаете все это очень быстро. Я и так основательно задержался тут с вами.

Нина кивнула в третий раз.

Вот и все, дело сделано. Она остается дома. А Галка...

...в конце концов, она действительно заслужила немного чуда.

Глава первая,

в которой снова появляется таинственный гость и некоторое время все идет по плану

Алина злилась. Злилась от души и с полной самоотдачей: швырялась одеждой, диванными подушками и даже книжками. Книжками, впрочем, всего один раз, да и то аккуратно, почти бережно. До дыр зачитанный «Гарри Поттер», шелестнув страницами, грохнулся на диван. И на этом буйная стадия протеста закончилась.

— Успокоилась? — поинтересовалась Нина.

— Нет, — сверкнула густо подведенными глазами племянница. — Я теперь совершеннолетняя! Что захочу, то и буду делать. Хочу гулять с друзьями — и пойду!

— Если бы вы гуляли! Опять ведь в карты станете резаться весь вечер. Но иди, если хочешь. Только сними мой браслет, я тебе его брать не разрешала. И посуду помой.

— Не обязана я в собственный день рождения мыть посуду!

— А есть из нее обязана? — хмыкнула Нина. — Был уговор: я готовлю, а ты убираешь. Так что марш на кухню. Раньше закончишь — раньше пойдешь к своим ненаглядным друзьям.

— Но я только что ногти покрасила! — ухватила за последний аргумент Алина.

— Тогда жди, пока высохнут. — Нина философски пожала плечами. И украдкой глянула в окно.

Солнце уже почти скрылось за горизонтом. Еще немножко — и закат разгорится в полную силу, заливая комнату алым и розовым.

Пожалуй, возможность любоваться из окна прекрасными закатами была единственным достоинством этой квартиры. Спустись этажом ниже — и все перекроет бесконечная вереница гаражей. Сдвинься вбок — и вместо разноцветного зарева увидишь лишь торец соседнего дома.

Солнце опускалось все ниже и ниже, небо на глазах преображалось, расцвечиваясь миллионами оттенков, которые смешивались, наслаивались друг на друга, отражались в реке, бликовали в соседских окнах, подсвечивали крыши гаражей.

Нина сама не заметила, как засмотрелась. Всегда засматривалась.

Алина тем временем выскользнула из комнаты, неслышно обулась и уже потянулась за ключами... И тут в дверь позвонили.

В отличие от тихого писка домофона, квартирный звонок обладал убийственной громкостью. Все, кому доводилось слышать его пронзительное дребезжание, подпрыгивали на месте, роняли предметы, хватались за сердце, затыкали уши или выражали свой испуг другими, менее радикальными методами.

Алина проявила чудеса стойкости и просто вздрогнула. Даже ключи не выронила.

— Нин, тут в дверь звонят, — обреченно крикнула она, понимая, что побег не удался. С другой стороны, если тетя отвлечется на гостей, то...

Тетя на гостей отвлекаться не собиралась. Даже не обернулась — продолжала внимательно изучать закат, будто надеялась высмотреть в нем что-нибудь интересное.

Звонок задребезжал снова.

— Да иду я! — обреченно буркнула Алина, распахивая дверь.

На пороге стоял мужчина.

В принципе в нем не было ничего необычного, мужчина как мужчина. Среднего роста, поджарый, с темными волосами, собранными в хвост. Если бы Алину остановили на улице, показали этого человека и попросили сказать, чем он занимается, она бы, наверное, предположила, что он какой-нибудь художник или музыкант. Пальцы у него были как у пианиста — длинные и подвижные. И тяжелая серьга с золотистым камнем в левом ухе. И шелковая черная рубашка с длинными рукавами. И еще сапоги (летом!). Кому же в голову придет в таком виде разгуливать, если не художнику или музыканту?

Но в тот момент Алина ничего такого не подумала. Гораздо больше ее удивил сам факт: незнакомый мужчина, стоящий на пороге их квартиры. Причем этот мужчина не предлагал купить пылесос, подключить Интернет по супервыгодному тарифу или вступить в пенсионный фонд. И даже религиозных брошюрок у него не наблюдалось.

Странно-странно!

— Здрасьте. А... вы, наверное, к тетя Нине? — на всякий случай уточнила Алина, пропуская гостя в квартиру. Было в его взгляде нечто такое, из-за чего девушка сразу решила: лучше впустить, не дожидаясь, пока попросят.

— Нет, клисса, я к вам. Хотя и с тетей повидаюсь с огромным удовольствием. Если она, конечно, дома.

Мужчина улыбнулся, хотя Алине показалось, что оскалился. Косые закатные лучи, неведомо как проникшие в коридор, исчертили лицо резкими тенями, сделав его похожим на демоническую маску.

— Нин, иди сюда, — неуверенно позвала девушка. И немножко отступила вглубь квартиры. На всякий случай.

— Ну чего ты вопишь? — Тетя наконец-то оторвалась от созерцания заката и вышла в коридор. — Только что распиналась, какая она взрослая, а стоило увидеть чужого дядю, так сразу побежала за меня прятаться.

— Я не прячусь, — буркнула Алина. — Просто... ну...

— Испугалась, — улыбнулась тетя. И добавила доверительным шепотом на весь коридор: — Это нормально, я, когда его впервые увидела, тоже испугалась. А вот мать твоя сразу же втрескалась без памяти. Ни к чему хорошему это не привело, так что не вздумай вдохновляться ее примером.

Мужчина фыркнул.

Алина пристально вгляделась в него, но так и не поняла, во что там можно втрескаться. Возможно, незнакомец и был красив, но какой-то чужой красотой — резкой, хищной и холодной. Кроме того, по возрасту он ей в отцы годился.

От последней мысли девушка ойкнула и отступила еще немножко, совсем вжавшись в стенку.

Да нет, не может такого быть! Возраст, конечно, подходит. И волосы у него такие же черные, как у нее. И глаза тоже карие. И еще нос — прямой и довольно длинный, почти такой, какой Алина каждый день видела в зеркале.

Сразу стало понятно, почему внешне мужчина ей не понравился. Она сама себе тоже не слишком нравилась и всегда жалела, что не похожа на Нину или маму, которую видела только на старых фотках. Они выглядели совсем по-другому: сероглазые, светло-русые, с такими милыми ямочками на щеках.

Но ведь от кого-то Алина должна была унаследовать этот злополучный нос!

— Только не говорите, что вы мой отец! — выпалила она, удивляясь собственной наглости. Но лучше уж сразу спросить, чем потом терзаться вопросами.

— Что? — переспросил гость. Выглядел он при этом удивленно и немного обескураженно: — С чего вы взяли, клисса? Разве тетя вам не сказала, что ваши родители умерли?

Алина почувствовала, что начинает краснеть. Щеки пылали так, что хотелось закрыть их ладонями и немедленно сбежать в другую комнату. А лучше вообще в ванную. Закрыться там и сунуть голову под холодный душ.

Но незнакомец явно ждал ответа на свой вопрос, поэтому девушка собралась с силами и выдавила:

— Мало ли что она мне сказала. Лет до семи она вообще пыталась убедить меня, что их убил злой волшебник. Я, конечно, люблю сказки, но не настолько же!

— Какой еще злой волшебник, женщина? — Гость укоризненно посмотрел на Нину. — Я же тебе объяснял, что это был несчастный случай. Неконтролируемый выброс силы при изготовлении арфактума. Такое случалось и с более опытными специалистами. Никто не виноват.

— Так не бывает, — надулась тетя. — Всегда кто-нибудь да виноват. И вообще, одни беды от вашей магии.

— А от вашей технологии, можно подумать, бед нет! Только что на перекрестке машина кошку сбила. Да и вообще, я пока до вас добрался, чуть не свихнулся. Что за дрянью в воздухе воняет? Это же не бензин, к бензину я привык.

— Ничего особенного, просто сегодня ветер с завода. Повоняет и перестанет. По официальным данным, превышения допустимой концентрации по диоксиду серы не зафиксировано.

Последнюю фразу Нина произнесла нарочито чужим голосом, передразнивая дикторшу из телевизора. Гость на это никак не среагировал. Видимо, телевизор он не смотрел. Если вообще знал, что это такое.

Алина нервно сглотнула. Только сейчас, с непонятным запозданием, до нее начал доходить весь смысл диалога. Ее тетя и мужчина в шелковой рубашке говорили про магию. Причем так, словно она была реальной. И не похоже, чтобы кто-то из них при этом шутил.

А еще оба они смотрели на Алину.

Кажется, ей только что задали какой-то вопрос. Или нет? А если нет, то почему так смотрели?

— В чем дело-то? — не выдержала девушка.

— Она совсем не похожа на мать, — признал наконец, мужчина. Обращался он вроде бы к Нине, но слова произносил куда-то в пространство.

— В вашу породу пошла. Такая же самоуверенная нахалка.

— Женщина, ты вообще в курсе, что сейчас оскорбила целую ветвь древнего рода? — полыхнул глазами гость. — За это по закону можно и плетью схлопотать!

— У нас разные законы, — нисколько не смутилась тетушка. — А чей род древнее — я бы еще поспорила.

— У тебя вообще нет рода, ты от него отреклась!

— Я вам не мешаю? — не выдержала Алина. — А то меня друзья ждут. Я гулять хочу.

— Перехочешь! — в один голос гаркнули взрослые.

После чего недовольно уставились друг на друга.

— Что? — развел руками мужчина. — Я имею столько же прав на ее воспитание, сколько и ты.

— Тогда сам с ней и объясняйся. Нашел тоже буфер обмена!

— Что? Какой еще буфер?

— Промежуточное хранилище данных в системе, — машинально пробормотала Алина. Накануне она как раз сдавала информатику, и знания из головы выветриться еще не успели.

— Ты бы на экзамене так бодро отвечала, троечница! — прокомментировала Нина, которая, собственно, этот экзамен и принимала. И действительно поставила племяннице тройку.

— Так! — резко выдохнул гость. — Глубокоуважаемая клисса, гулять вы сегодня не пойдете. Вместо этого мы с вами поговорим в каком-нибудь тихом и укромном месте, подальше от этой неутомной женщины. Я расскажу вам про родителей, отвечу на все вопросы и вручу наследство. Собственно, за этим я и прибыл. И времени у нас не так много, только до рассвета. А разговор предстоит долгий.

Алина осторожно покосилась на тетю. Та демонстративно пожала плечами. Делай, мол, что угодно, ты же взрослая.

Быть взрослой действительно очень хотелось. Но без тетиной поддержки стало неудобно и даже страшновато. Тем более что она-то явно понимала, что здесь происходит. А вот сама Алина — пока еще нет.

— Хорошо, мы поговорим, — решила девушка. — Но на первый вопрос вы ответите прямо здесь и сейчас. Вы вообще кто?

— Сложно объяснить так сразу. — Мужчина, кажется, слегка смутился. — Ну, допустим, курьер. Перевозчик. Это мое основное занятие — перевозить из одного мира в другой вещи, документы, людей. Но с вашим семейством все немного сложнее. Видите ли, клисса, так сложилось, что я еще и ваш родственник... дядя... по отцовской линии.

— Но точно-точно не отец? — подозрительно сощурилась Алина.

Вопрос глупейший, но опыт, полученный из сотен книг и сериалов, требовал прояснять такие вещи сразу и как можно более однозначно. Даже если один раз подозрение уже опровергли.

— Нет, я... гм... не был настолько близок с вашей матерью, — ответил новоявленный дядюшка.

Тетя глубокомысленно хмыкнула, но промолчала.

— И как вас зовут, дорогой дядя? Я же должна к вам как-то обращаться?

— Пока не примете наследство, я для вас глубокоуважаемый магос, и никак иначе.

— Но имя-то у вас есть? И, кстати, фамилия. У меня же мамина фамилия! А какая настоящая?

— Глубокоуважаемая клисса, давайте...

— И что значит «клисса»?

— ...давайте все же уединимся где-нибудь. И буду очень признателен, если в этом доме найдется, чем промочить горло.

— Хорошо. — Алина направилась в сторону кухни, попутно посылая друзьям сообщение, чтобы не ждали. — Вам чай или...

— Только не кофе!

Нина подкараулила колдуна на выходе из кухни.

Алина осталась внутри, осмысливать услышанное и обдумывать предложенное. В том, что она примет наследство, Нина не сомневалась. Голова девчонки была с детства битком набита сказками и магией, она бы побежала за добрым дяденькой-волшебником на край света, даже если бы для этого пришлось под покровом ночи удирать из дома через окно.

Такие жертвы, конечно, не требовались. Нина и не думала удерживать племянницу. Но отпускать ее без присмотра тоже не собиралась.

Ей самой никакая магия не светила, вопрос с наследством решился давно и бесповоротно. Но разве нельзя обойтись без магии?

— Надо поговорить! — Нина схватила колдуна за рукав и бесцеремонно втащила в свою комнату.

— Хватит меня лапать, женщина! — брезгливо высвобождаясь, буркнул тот. — Еще раз так сделаешь — руку отрублю.

— В первый раз ты вел себя повежливее!

— Это было до того, как ты выставила себя полной дурой и отказалась от камня.

— Ладно-ладно, — покорно согласилась Нина. В конце концов, сейчас от этого высокородного хама зависела ее судьба. А выяснить отношения можно и позже. — Простите за недозволенные жесты, глубокоуважаемый магос. Но нам действительно нужно поговорить.

— Выкладывай, что там у тебя, — великодушно разрешил колдун.

— Она согласилась? — первым делом уточнила Нина. А то мало ли, вдруг семейная дурь прорезалась.

— Да. И еще спросила, можно ли взять с собой велосипед. Или хотя бы ролики. Представляю, как она по нашей брусчатке поедет на роликах... Там же шею свернуть — раз плюнуть. А я не смогу приглядывать за ней постоянно.

— Об этом я и хотела поговорить. Насчет «приглядывать». Возьмите меня с собой!

Колдун посмотрел на Нину как на полную идиотку. Наверное, так моряк, уходящий в одиночную кругосветку, смотрел бы на пожилую маму, которая в последний момент решила броситься ему на шею с воплем: «Я поеду с тобой! А то кто ж тебе там суп-то варить будет?!» И все это перед телекамерами, фанатками и президентом.

— С ума сошла? — Мысли колдуна наконец-то оформились в слова. — Ты пустая. Ты отеклась. Твое место — здесь.

— Неужели у вас там совсем нет обычных людей? Да в жизни не поверю! А как же все эти наследники, клиссы, которые еще не владеют магией? Или те, которым просто не хватило наследства? Вот вам с братом, допустим, повезло: одному достался камень от матери, второму от отца. А если бы родился еще и третий брат, что тогда? Где бы он жил? А если бы ваши родители были до сих пор живы? Тогда вы, глубокоуважаемый магос, не стали бы магосом, верно? И я же верно понимаю, что маги — аристократия, правящая верхушка. Но кем вы правите? Слуги у вас есть? А преступники? Бомжи? Дети? Камень можно получить только после совершеннолетия, а как жить до этого?

— Хватит, достаточно, — оборвал колдун. — Я понял, что ты имеешь в виду. Да, у нас есть обычные люди, и их гораздо больше, чем магов. Но все они родились в Истоке. Я не могу просто так привезти человека из внешнего мира, это запрещено.

— Значит, увезти можете, а привезти — нет? А кто говорил, что законы существуют, чтобы их нарушать? Или нарушать можно только тогда, когда этого хочется лично вам? Так ничего, сейчас тоже захочется! С вас должок, помните?

— Помню, — мрачно кивнул колдун. — Я должен тебе и не отрекаюсь от своих слов. Но пойми ты, женщина, это не от меня зависит! В Истоке и так перенаселение. Полный запрет на мигрантов из других миров. Исключение только для наследников, потому что магические законы важнее человеческих. Если тебя засекут на границе, то просто вышвырнут в ближайший мир. Заметь, в ближайший, а не в родной. Ну и мне тоже не поздоровится. В последний раз дело ограничилось штрафом, но...

— В последний? — ухватила за фразу Нина. — Значит, ты так уже делал, и не раз?

— Делал.

— Тогда в чем проблема?

Колдун задумчиво потерял сережку.

— Проблема в том, что будет дальше. Окажешься ты в Истоке — и? Что станешь делать?

— Что угодно! — Уж это-то Нина продумала давно. — В том месте, где новичков учат обращаться с камнями, наверняка полно обычной, немагической работы. Я могу убирать, готовить, стирать. Стены красить... И заодно за Алинкой присмотрю.

— В школе... — Длинные пальцы колдуна снова коснулись сережки. — Нет, так не пойдет. Даже если я раздобуду фальшивые документы и сумею тебя туда устроить, девочка узнает и не сможет удержать язык за зубами. Разболтает ненароком, выдаст и тебя, и меня. Представляешь, чем это кончится?

Нина пожала плечами.

Чем кончится... Да уж ясно, что ничем хорошим.

Но остаться одной и оставить Алину без присмотра все равно во много раз хуже. Так что выбора-то особо нет.

— Если только... — продолжал раздумывать колдун. Нина его не торопила. — Можно, конечно, сменить тебе облик, чтоб девчонка не опознала. Тогда все пойдет проще. Но и ты не вздумай перед ней раскрываться.

— Но она же все равно увидит, что я еду с вами...

— Не увидит, — усмехнулся колдун. Улыбка у него была недобрая. — Не волнуйся, женщина, я обещал выполнить любую твою просьбу — и я ее выполню. Но это — больно.

Нина пожала плечами. Больно так больно. В кресле у стоматолога регулярно терпит, потерпит и сейчас.

В дверь истошно забарабанили, и в комнату, не дожидаясь разрешения войти, ворвался темноволосый ураган: в одной руке стопка книжек, в другой — ролики.

— Нин, тебе же все уже рассказали, да? Ну, то есть ты в курсе, что я уезжаю? Можно я возьму с собой Геймана, а то я его не дочитала. Ты потом себе еще купишь. И... это... ну, я же теперь как минимум три года не вернусь, и... тетя Нина...

Девчонка вдруг всхлинула, подскочила к тете, обняла ее прямо с книжками и роликами в руках и заревела в голос. Временами сквозь всхлипы и рыдания прорывалось неразборчивое «Я буду скучать!» и «Прости, что не помыла посуду...».

— Ну все, хватит рыдать мне на новую блузку, — велела Нина, когда поток слез немного иссяк. — Сейчас лето, до рассвета совсем недолго. Иди, собирай вещи.

Племянница умчалась, прекратив реветь так же внезапно, как и начала. Хорошо быть подростком: и бегать можно сколько угодно, и голова после рыданий не болит.

— Любит она тебя, — задумчиво произнес колдун.

— Конечно, я же ее воспитала. И, между прочим, воспитала не так уж плохо.

— И планируешь продолжать воспитывать, только теперь исподтишка.

— Планирую, — спокойно признала Нина.

— Ну вот что с тобой делать? Ладно уж, собирай вещи.

Нина с улыбкой вытащила из-под кровати большой зеленый чемодан. Собрала она его еще накануне.

Глава вторая, *в которой достопочтенный магос размышляет о женщинах, а над рекой сгущается туман*

Не то чтобы Ракур не любил женщин... Женщин он как раз таки любил, из-за чего по молодости регулярно страдал. Потом, конечно, научился замечать следы и правильно выбирать объект для очередной интрижки. Но с этим семейством все с самого начала пошло наперекосяк.

Сначала одна сестра передала свое наследство другой, потом эта другая ухитрилась влюбиться в того, кто это наследство принес.

Что скрывать, Галина была девицей красивой и неглупой, и Ракур охотно за ней поухаживал пару недель. Еще столько же ушло на объяснения, почему он не собирается жениться на иммигрантке из другого мира! Да, волею судьбы стала магиссой, но это же не отменяет отсутствия полноценного образования, навыков светской жизни... общего культурного контекста, в конце концов.

Пришлось сплавить девицу брату — тот всегда был менее привередлив. И вроде как все у них сложилось неплохо, даже ребенка завели... А потом глупо и внезапно погибли при взрыве в лаборатории. И Ракур остался с новорожденной племянницей (еще одна девица, как нарочно!).

Никакого желания заниматься воспитанием он не испытывал, поэтому сплавил малявку ее безродной тетушке во внешний мир. А тетушка ухитрилась под шумок еще и клятву с него стребовать. И ведь не забыла об этом, зараза. Как клещ вцепилась в шанс отправиться к Истоку.

Нарушать клятву Ракур не рискнул. Он, конечно, небезгрешен, но и не полный отморозок, чтобы шутить с магическими законами.

В итоге, пока новоявленная клисса бурно прощалась с тетушкой, магос готовил заклинание.

Чары бытовые и не очень сложные, но строго запрещенные к применению на живых существах. Теоретически даже букет цветов, запакованный таким образом, мог в итоге превратиться в лужицу непонятного зеленого пюре. Что уж говорить о более высокоразвитых организмах типа кошек, рыбок и комаров.

Тем не менее иногда Ракур использовал это средство и для запаковки людей. Чаще всего, конечно, доставалось преступникам — чтобы не брыкались при перевозе через границу, но попадались и те, которые шли на риск добровольно. Хотя не все из них в полной мере осознавали опасность. Например, одна симпатичная девица, которую едва не застала в постели Ракура другая, чуть менее симпатичная, но чуть более влиятельная магисса, просто заорала: «Сделай что-нибудь, иначе она меня убьет!»

Магос подумал — и сделал.

Девица после снятия чар в достаточно категоричной форме высказала, где она желает видеть любовника, в какой позе и насколько долго. В общем-то это единственный случай, когда девушка ушла от него первой. От влиятельной магиссы он сбежал сам, не выдержав ее закидонов.

Алина наконец-то закончила прощаться с тетушкой в дверях квартиры и с грохотом

поволокла чемодан вниз по лестнице. Ракурн слегка задержался, дожидаясь, пока девчонка скроется из виду, и обернулся к Нине:

— Готова?

— Вроде бы да... — Женщина неловко одернула юбку. — Совсем забыла спросить: у вас такое носят? Ну, такой длины? Если слишком коротко, то я могу переодеться.

«Слишком коротко» напроць закрывало колени. Ракурн усмехнулся:

— Женщина, у нас же не глухое средневековье!

— Откуда я знаю, что там у вас... Может, вовсе голыми по улицам гуляете!

— Гуляем, — подтвердил магос, с удовольствием наблюдая за реакцией собеседницы. — Дважды в год, на равноденствия. Традиция такая.

Нина нервно сглотнула и, кажется, слегка покраснела, но уточнять и переспрашивать не рискнула.

— Эй, вы где там застряли? — донесся снизу голос Алины. — Целуетесь, что ли?

— У, нахалка малолетняя, — замахнулась в пустоту Нина.

Ракурн перехватил ее руку и ловко уколол в палец иголкой. Что-то они действительно заболтались. А время-то поджидает.

Чары начали действовать почти сразу. Игла запульсировала в руках магоса, налилась ярким светом, словно раскалилась добела. Но потеплела совсем немного — ровно до температуры человеческого тела. И вдруг стала раздаваться в стороны, увеличиваться в размерах. Вскоре в руках Ракуна оказалась миниатюрная женская фигурка размером чуть больше пальца. Сходство с оригиналом было поразительным.

Магос полубовался на результат своей работы и небрежно закинул фигурку в карман, где та глухо звякнула о такой же маленький чемоданчик.

На коврикe у двери, где только что стояла Нина, одиноко лежала связка ключей. Ракурн подобрал их, тщательно запер квартиру. Мало ли что! И поспешил вниз, пока племянница не успела что-нибудь натворить.

Почему-то он не сомневался, что, оставшись без присмотра, девчонка непременно попадет в неприятности даже в своем собственном дворе. Или это просто паранойя ее тетушки передалась?

Как оказалось, чутье сработало правильно и вовремя. Даже с небольшим опозданием: магос успел спуститься только до площадки между первым и вторым этажами, где и застыл возле открытого окна, с любопытством поглядывая наружу.

Вмешиваться не хотелось. Гораздо интереснее показалось понаблюдать, как Алина будет себя вести. Галина бы на ее месте...

Тьфу, никакой фантазии на имена у людей! Алина, Галина... А если в семье появится еще одна девчонка — они ее Полиной назовут? Или просто Линой?

Ракурн хмыкнул в такт собственным мыслям и продолжил украдкой следить за племянницей.

Ничего необычного она не делала, просто топталась с чемоданом возле подъезда. Чемодан был здоровенный и очень приметный — розовый, да еще и обклеенный яркими картинками. Видимо, именно он и привлек внимание. А может, коротенькие шорты Алины. Уж она-то точно не заморачивалась вопросом, какая одежда считается приличной в чужом мире.

— Эй, детка, куда собралась? — развязно поинтересовался у девушки небритый мужик в помятом спортивном костюме. Это явно выходило за пределы местной нормы общения.

Да и само появление людей на улице в такое время тоже выходило за пределы нормы, причем не только местной. Во всех мирах перед рассветом разумные существа обычно спят, а не шляют по улицам, обдавая перегаром встречных девушек. Если они, конечно, не студенты. Или не контрабандисты.

Мужик не был ни студентом, ни контрабандистом. В тех обычно человеческое все-таки превалирует над звериным, а тут все явно обстояло наоборот. Пока Алина, неловко переминаясь с ноги на ногу, думала, что ответить, он вцепился в ее чемодан и попробовал сдвинуть его в сторону. Девушка немедленно потянула на себя.

— Да зачем тебе это барахло? — удивился мужик. — Что там у тебя? Трусики-бусики да пляжное полотенчко? Так скажи своему хахалю, он тебе новое купит. Есть хахаль-то?

Алина помотала головой.

— Да ладно? Такая краля — и свободная? А хочешь, я тебя займу? Ну чего смутилась? Я же вижу, что хочешь! Те, которые не хотят, так не одеваются!

Ракун поморщился и с трудом подавил желание вернуться в квартиру, найти там какое-нибудь одеяло и замотать в него мелкую дурищу, чтобы больше не сверкала прелестями по всем углам, приманивая таких вот типов.

Типа, впрочем, чемодан почему-то интересовал больше, чем стройные девичьи ножки.

Некоторое время Ракун с любопытством наблюдал за перетягиванием розовой громадины. Если б курил — еще и закурил бы демонстративно, уж больно занятная была картинка.

Алина несколько раз нервно оглянулась на двери подъезда, но то ли стеснялась звать на помощь, то ли просто хотела доказать, что сама в состоянии справиться с проблемой. Пока получалось не очень.

— Отпустите, — робко попросила она, изо всех сил дергая чемодан на себя.

— А ты мне что взамен? — щербато ухмыльнулся мужик. — Поцелуешь, может?

— Перебьетесь.

— Да ладно, что ты недотрогу-то корчишь! Один поцелуй, а! Тебе понравится!

И мужик, выпустив чемодан, неожиданно ловко перехватил запястье Алины. Ракун ожидал, что девчонка сейчас завизжит, но та дернулась, убедилась, что вырваться из захвата не получается, и свободной рукой саданула противника открытой ладонью по уху. Мужик отпрянул от неожиданности, затряс головой, но жертву в покое не оставил. Наоборот, набылчился, сплюнул и злобно прошипел:

— Ну, ты допрыгалась, дрянь!

В его руке блеснуло стальное острие. Даже не ножик, а так, заточка какая-то. Но Алине и этого хватило, чтобы испуганно ойкнуть, выпустить чемодан и попятиться.

Ракун насторожился. Не то чтобы в его присутствии девчонке грозило что-то серьезное, но рисковать не хотелось. Да и время поджимало.

Проще всего, конечно, было бы разобраться с мужиком, не сходя с места. Но открытое применение магии во внешних мирах не поощрялось, да и сил требовало не в пример больше, чем в Истоке. А силы скоро понадобятся. Поэтому магос, не тратя времени на спуск по лестнице, сиганул в окно.

Назвать серьезной высотой полтора местных этажа было сложно, но ноги все равно неприятно загудели. Хотя приземлился Ракун удачно: аккуратно перед дворовым хамом. И сразу же саданул того кулаком в челюсть.

Может, недостаточно изящно, зато эффективно. Особенно если самую малость усилить

удар заклинанием.

Мужика снесло с места и впечатало спиной в припаркованную возле подъезда машину. Боковое стекло разлетелось вдребезги. Взыла сигнализация.

— Ой, — только и пробормотала Алина, обнимая чемодан, как величайшее из сокровищ. — Наконец-то! А теперь пойдёмте отсюда побыстрее, пока Васька не проснулся. А то это его машина.

— Могла бы и поблагодарить, — хмыкнул Ракун и направился к выходу из двора. Девчонка бросилась следом.

— А вы могли бы не трындеть с тетей, а помочь мне спустить чемодан по лестнице. Тогда этот тип вообще не стал бы ко мне цепляться.

— Логично, — нехотя признал магос.

Племянница зыркнула на него слегка обиженно.

Наверное, в ее словах содержался намек, что и сейчас самое время помочь несчастной хрупкой девушке и забрать у нее эту гигантскую розовую штуку, но Ракун намек проигнорировал. Сама набрала кучу вещей — сама пусть их и тащит, не маленькая. Тем более что чемодан на колесиках. Правда, весь местный асфальт — в трещинах и выбоинах, но это мелочи. Главное, что он здесь вообще есть, да и идти недалеко. А вот когда придется спускаться к реке...

Спуск с прогулочной части набережной к воде был довольно крутой, покрытый засохшей, пожелтевшей травой. Алина уже ни на что не намекала, только злобно пыхтела, увязая каблуками в рыхлой земле и пытаясь не уронить свое сокровище.

Вообще-то неподалеку находилась нормальная дорога: бетонные ступеньки с поручнями и даже пандус для колясок, и девушка не могла об этом не знать. Но Ракуну не хотелось тратить время на лишний крюк, хоть и небольшой. А племянница семенила за ним как привязанная. Видимо, думала, что если хоть ненадолго потеряет его из виду, то волшебная сказка кончится, не успев толком начаться. Или боялась снова нарваться на какого-нибудь алкаша.

— Почему ты меня сразу на помощь не позвала? Тогда, возле подъезда, — поинтересовался магос, когда девушка наконец-то перебралась на узкую бетонную дорожку, идущую над самой рекой.

— Вижу я, как вы помогаете, — фыркнула Алина.

— Тогда еще не видела. Так почему?

— А как вы это себе представляете? Орать на весь двор: «Достопочтенный магос, не сообразовали ли помочь»?

— Да хоть бы и так!

— Вот еще! Звучит по-дурацки. И я же знала, что стоит пикнуть — Нина сразу прибежит, еще раньше вас. Отдубасит этого типа скалкой, а потом сама его будет жалеть и зеленкой мазать. Да и вообще... люди услышат, смеяться станут. Или подумают, что я с ума сошла.

— Ты этих людей, может, никогда больше не увидишь. Какая разница, что они подумают?

Девушка пожала плечами. Видимо, для нее разница имелась, и ощутимая.

— Ты просто не любишь просить о помощи? — догадался Ракун.

— Типа того. — Алина поежилась. Кажется, ей стало неловко. Или просто холодно. Ночь выдалась теплой, но перед самым рассветом заметно посвежело.

Магос посмотрел на часы, затем на восток. Небо уже начало светлеть, еще немного — и солнце выкатится из-за горизонта огромным раскаленным шаром. Они подошли как раз вовремя!

Реку начал затягивать туман. Сначала отдельные белесые клочки совершенно хаотично возникали то тут, то там, затем они разрастались вширь, сливались с соседними — и вскоре все пространство от берега до берега скрылось в сплошной пелене, так что даже воды видно не было. Казалось, что у края набережной плещется огромное облако.

Алина глазела, раскрыв рот, и Ракурн не мог ее в этом винить. Уж на что он привык к магии, а первое время постоянно норовил потыкать в рассветный туман пальцем. Что уж говорить о девчонке из внешнего мира, которая такого чуда никогда в жизни не видела.

— Как будто на самолете летишь, только иллюминатор открыт, — придумала сравнение девчонка из внешнего мира.

Ракурн фыркнул, выхватил у нее чемодан, уменьшил его до размеров грецкого ореха и забросил в карман, к Нине и ее вещам.

— А... Сразу нельзя было так сделать? — воскликнула Алина.

— Ты не просила.

— Но вы же видели, что мне неудобно его тащить, что он тяжелый!

— И что? Может, у тебя хобби — тяжелые предметы таскать. Я знаю, у вас такое есть. «Кроссфит» называется.

Племянница обиженно надулась, но не смогла удержаться от любопытства:

— Но почему вы у меня его именно сейчас отобрали? Ведь явно же не по доброте душевной!

— В лодку с такой машиной залезать неудобно.

— В какую лод...

Договорить девчонка не успела, Ракурн схватил ее в охапку и шагнул вперед, прямо в туман. Ровно в тот момент, когда край солнечного диска показался из-за горизонта.

Алина ойкнула от неожиданности, но в целом повела себя достойно: не визжала, не брыкалась, не пыталась вырваться, поэтому приземление прошло удачно. Лодка лишь слегка качнулась на волнах, принимая пассажиров.

Это хорошо, а то ведь могла и взбрыкнуть. С ней бывало.

Ракурн опустил девушку на скамью и занялся подготовкой к путешествию. Сложнейший магический ритуал давно уже стал для него рутиной, а вот Алина смотрела во все глаза. Хотя она, конечно, видела только внешнюю сторону дела.

Вот небольшая деревянная лодочка стоит в пелене тумана — а вот она уже быстро движется сквозь него без помощи весел, паруса или мотора.

— Мы плывем против течения, — удивленно заметила девушка.

— Нет, по течению.

— Да нет же! Я эту реку каждый день из окна вижу, я знаю, куда она течет!

— Ты уверена, что речь именно об этой реке?

Алина внимательно посмотрела на мага. В вопросе чувствовался подвох. Набережная — то родная. И речка, стало быть, тоже... Или уже нет? Рассмотреть берега за плотным туманом было невозможно, оставалось только догадываться, как они выглядят.

— Не понимаю, — созналась девушка. — Это Волга или нет? Объясните.

— Просишь?

— Да, прошу.

— Хорошо. Если вкратце, то некоторые реки в некоторых мирах — части Великой реки. Дважды в день, на рассвете и на закате, они сливаются с ней в единое целое. На закате река течет к Устью, на рассвете — к Истоку. Туда нам и надо. Это самый быстрый способ путешествия, когда требуется забраться дальше соседнего витка.

— Исток Волги где-то в Подмосковье... — блеснула эрудицией Алина. — Мы плывем в Москву?

— Нет, конечно. Забудь уже про Волгу, мы были там несколько миров назад. Исток Великой реки — это место, где тебе предстоит жить, пока не научишься управляться со своим наследством.

— Пока не стану колдуньей?

— Не колдуньей, а магиссой. И — нет. Магиссой ты станешь, когда официально вступишь в права наследования. А Исток не покинешь, пока не перестанешь представлять опасность для окружающих. Потому что необученная хозяйка камня — это, как у вас говорят, обезьяна с гранатой.

— А мама быстро научилась?

— Да, — улыбнулся Ракур. — Она была очень талантливой.

— А она... — Алина замаялась.

— Ну, спрашивай, чего уж.

— Если она была такой талантливой, то разве могла погибнуть из-за собственной ошибки? Может, ее все-таки убил злой волшебник?

Если бы имелся шанс свалить все на злого волшебника, Ракур достал бы его хоть в Устье. Достал — и долго с наслаждением бил. А потом голыми руками разорвал бы на кусочки, отнес получившуюся кучу мяса в ботанический сад и скормил плотоядным водорослям. По крайней мере именно так магос думал семнадцать лет назад.

Но девчонке он выдал чуть смягченную версию:

— Если бы имелся шанс свалить все на злого волшебника, это обязательно сделали бы. Его бы нашли и посадили в тюрьму. Но это был несчастный случай. Просто несчастный случай.

Алина украдкой шмыгнула носом, но прекращать расспросы и не подумала:

— А что именно случилось? Я поняла, что-то с артефактом, но...

— Не с артефактом. Артефакт — это такая уникальная штука, единственная в своем роде. Их при раскопках находят, и потом ученые над ними трясутся, дышать боятся. Так что к артефактам твою маму еще лет десять не допустили бы. А она работала с арфактумами. Точнее, брат работал, а она ему помогала. Арфактум — это... ну, любой предмет, заряженный магией.

— Типа волшебной палочки?

— Ну да, и палочки в том числе. Хотя ими редко пользуются, разве что дома или чисто для показухи. Длинные они, в карман не спрячешь, с собой таскать неудобно. Лучше вот... — Ракур расстегнул ворот рубашки и вытащил наружу горсть мелких безделушек, болтавшихся на крепком шнурке.

Выглядели безделушки по-разному: одни напоминали ювелирные украшения, другие — разноцветные бусины, а некоторые вообще походили на древесные щепки и обрывки ткани. А может, ими и были.

Алина с любопытством потянулась к подвескам, но магос, предупредительно цокнув языком, вернул их на место и снова застегнул рубашку.

— Ну так вот, твоих родителей убил выброс силы при изготовлении арфактума. Ошибка в заклинании. Такое случается даже при самой простой работе. А при обработке камней — так вообще регулярно.

— Разве их как-то обрабатывают? — Девушка сразу же достала из кармана маленькую плоскую коробочку, но открыть не решилась, просто потрясла. Внутри глухо стукнулись друг о друга кольцо и кулон. Ее наследство. — Это тоже арфактумы?

— В некотором роде. Но обычно их так не называют. Считается, что камень — это... ну, просто камень. Он вроде как сам по себе, — сумбурно объяснил Ракурн.

На самом деле камни были далеко не сами по себе, существовала сложная классификация и целый курс семинаров, ей посвященный, но будущий достопочтенный магос традиционно все прогулял. Кажется, именно тогда он познакомился с той рыженькой. Или она появилась позже?

Алине до рыженькой дела не было, зато про арфактумы она слушала с интересом и явно ждала продолжения лекции. Тем более что, кроме разговоров, заняться в малюсенькой лодке все равно оказалось нечем.

— В общем, камни, — продолжил Ракурн. — Можно их, конечно, просто так в кулаке носить, но это неудобно. Поэтому с помощью определенной магии их заключают в оправу. Тебе, например, повезло, что кольцо женское и почти наверняка придется впору. А могло бы оказаться мужским, и ты не смогла бы его носить. Пришлось бы ужимать. Или вот более подходящий пример: у тебя целых два камня от обоих родителей. Может, ты захочешь вставить их в один предмет для удобства. Или вообще оба камня сплавить в один.

— А так можно?

— Можно. И разделить один на несколько частей можно. Но так почти никогда не поступают.

— Почему?

— Очень дорогое удовольствие. И большой риск. Высокая вероятность, что при любом воздействии камень рассыплется в пыль. Или расколется на большее количество частей, чем запланировано. Или просто взорвется. Взрываться они особенно любят.

Алина задумчиво поглядела на коробочку и, судя по взгляду, крепко решила никак камни не обрабатывать. Во избежание. Зато сразу же придумала новый вопрос:

— А родилась я, получается, в этом вашем Истоке?

— Да.

— И первый год жила там? Ну, пока мама с папой были живы...

— Да.

— Тогда как я оказалась у Нины?

— Я перевез.

— Зачем? Почему не оставили в Истоке, если сейчас все равно везете обратно? То есть я рада, что везете... Но мне кажется, если бы я там выросла, все выглядело бы намного проще. Ведь сейчас я, получается, совсем ничего не знаю. Это же не школу сменить и даже не из города в город переехать — это другой мир! Как вы вообще определили, в каком мире мне расти?

— Подбросил монетку, — ухмыльнулся магос.

— Я серьезно! — насупилась девчонка.

— Я тоже.

Подбрасыванию монетки, впрочем, предшествовал совершенно безумный день. Ракун даже на берег сойти толком не успел, а его уже окружили люди в серой форме и сурово поинтересовались, где он провел последние сутки.

Последние сутки Ракун нежился в постели со страстной и весьма раскрепощенной женой крупного магната в роскошном особняке в одном из соседних витков. За упоминание об этом можно было огрести немало проблем, причем не только от магната. С другой стороны, совсем уж откровенно врать тоже не стоило: мало ли с какой целью ведут допрос. Поэтому магос предпочел полуправду и уклончиво ответил:

— У женщины. А в чем проблема?

— Кто она и подтвердит ли ваши слова? — проигнорировали вопрос милиты.

Кажется, адюльтер оказался ни при чем, и выгораживать жену магната не требовалось. Скорее уж в алиби нуждался сам Ракун.

Стражи порядка были настроены серьезно. Видимо, под стать неизвестному преступлению. Магос мысленно прикинул, в чем его могут обвинить, но так ничего путного и не придумал. Грешков-то у него хватало, даже весьма крупные проступки водились. За часть из них действительно могли арестовать средь бела дня.

С другой стороны, обвинить его, похоже, пытались в чем-то совсем уж постороннем. И вариантов поведения приходило в голову всего два: или публично раскрыть интрижку с магнатшей, или признаться в отсутствии алиби. Ни одно из решений Ракуна не устроило, поэтому он выбрал третье.

— Конечно, она подтвердит все, что надо. Связаться с ней? Или отвезти вас? Это несколько витков вниз по течению.

— Сами доберемся. А вас, достопочтенный магос, убедительно просим не покидать пределы Истока до нашего письменного разрешения.

Ракун понятиливо кивнул. Не покидать так не покидать. Ему и не надо. Есть гораздо более простой способ передать информацию. Не слишком легальный, зато быстрый и надежный.

Пальцы привычно коснулись сережки, отстучали по камню замысловатую дробь.

«Если спросят, вчера весь день был у тебя, у нас роман. Это важно. Взамен проси что хочешь».

Если все делать правильно, посланное сообщение на несколько минут возникало на внутренней стороне широкого браслета, дожидалось, чтобы его прочитали, а затем исчезало. Конечно, отправить послание таким образом можно было не на любой браслет, а только на особым образом зачарованный, да еще и связанный непосредственно с Ракуном.

Обычно магос дарил такие арфактумы девушкам как сувенир и экстренное средство связи.

К сожалению, после расставания девушки имели привычку подарки выбрасывать или отключать.

К счастью, Ракун не сомневался, что одна из носительниц браслета сделает для него все необходимое. Потому что добрая, потому что заботливая. И такая, боги ее храни, дурища!

Кто ж знал, что дурища не только просьбу выполнит, но и об ответной услуге не забудет! Тогда магос уж точно об этом не думал.

Только посмотрел вслед удаляющимся милитам и не удержался, спросил снова:

— Да что случилось-то?

— Возвращайтесь домой. Там все узнаете, — ответил главный.

В этом не было ничего необычного, милиты вообще редко что-то объясняли. В основном спрашивали. Но выражение лица у ответившего на этот раз показалось почти человеческим, поэтому Ракур отважился на еще одну попытку:

— А прямо сейчас нельзя? А то я уже волноваться начинаю.

— Можно, — внезапно смиростивился милит, — но дома вам было бы комфортнее. Дело в том, что ваш брат и его жена погибли этой ночью при взрыве в лаборатории. Примите мои соболезнования.

Земля под ногами покачнулось. Такое частенько случалось после долгого плавания, но сейчас Ракур точно знал, что причина не в этом. Мир просто качался сам по себе.

— Вы в порядке? — с неожиданным участием спросил милит.

— Нет, — честно ответил Ракур.

И подумал, что лучше бы было, наверное, действительно выслушать новость дома. А сейчас до этого самого дома предстояло еще как-то добраться. Желательно быстро. И не свалившись по пути с этого качающегося мира.

Из воспоминаний Ракура выдернул легкий толчок, словно что-то мягко ударило лодку в левый борт.

Алина, кажется, ничего не заметила, продолжала пялиться в туман. Что она пыталась там рассмотреть — непонятно. Из белого марева изредка выплывали ветки деревьев, силуэты животных или очертания прибрежных замков, но невозможно было даже понять, реальность это или игра воображения.

Магос прикинул расстояние: до Истока осталась всего пара витков. Скорость течения слегка увеличилась, как обычно в этих местах, но на окружающие пейзажи это никак не повлияло.

В общем, все как всегда, ничего нового или необычного.

Может, просто рыба в воде плещется, о нее и стукнулись?

Рыба в Великой реке действительно водилась, и иногда довольно крупная. Но от лодок местная живность предпочитала держаться подальше и вряд ли рискнула бы идти на таран. Особенно два раза подряд.

От второго толчка лодка дрогнула гораздо ощутимее.

— Что случилось? — удивилась Алина, хватаясь за борта.

— Держись крепче, — вместо ответа посоветовал Ракур.

Сам он, напротив, выпрямился во весь рост и повел вокруг правой рукой, пытаясь определить источник проблемы. Пальцы левой привычно теребили сережку.

Рыбы ожидаемо оказались ни при чем. Удар шел с берега, мимо которого они сейчас проплывали, и имел явно магическое происхождение. Значит, люди, больше некому. Но кто и зачем? В лодке же, для разнообразия, ни денег, ни важных документов. Разве что кто-то охотится за самим Ракуром?

Додумать магосу не дали, третий удар был такой силы, что легкая лодочка едва не перевернулась. Ракур, не удержавшись на ногах, рухнул за борт, напоследок забористо выругавшись. За что и поплатился — вода хлынула в рот и нос, заставив раскашляться и нахлебаться еще больше.

А затем что-то резко захлестнуло его лодыжку и потянуло ко дну.

Во время толчка Алина взвизгнула от неожиданности, но сумела удержаться в лодке,

которая вдруг резко выровнялась на волнах и стрелой помчалась к берегу. Всерьез испугаться девушка не успела: сама она была в полном порядке, да и магос явно не тонул, а вполне уверенно бултыхался в мутной воде. Ничего, сам выплывет, не маленький.

Гораздо интереснее показалось смотреть по сторонам. Туман резко поредел, из белой пелены выплыли заросли рогоза, в которые лодка и влетела, не сбавляя хода. И почти сразу ткнулась носом в илистый берег.

Алина взвизгнула повторно — в этот раз не от толчка, а от удивления. Из зарослей выступили люди. Выглядели они весьма недобро. Солнце било им в спину, мешая разглядеть лица, но каждый из четверых вызывал у девушки примерно те же чувства, что и тот алкаш возле подъезда. Только тогда и подъезд был знакомый, и город родной, и даже алкаш свой, местный.

Сейчас же Алина даже примерно не представляла, где находится, но дом явно остался очень и очень далеко. А недобрые люди, напротив, оказались как-то слишком уж близко.

Девушка запоздало сообразила, что лодка причалила к берегу не по своей воле. И вряд ли ее отправил туда колдун, он в этот момент занимался другим — пытался не захлебнуться.

Алина обернулась, ища глазами своего спутника, но речная гладь оказалась совершенно пуста, разве что посредине расплывались круги, как от брошенного в воду камня. Дядюшки видно не было.

Не утонул же он там, в самом деле?!

— Мм... глубокоуважаемый магос... — позвала девушка, удивляясь, как жалобно и тонко звучит ее голос.

Незнакомцы дружно загоготали.

— Не о том беспокоишься, клисса, — наконец высказался один из них, на вид самый мелкий. Впрочем, даже этот мелкий смотрелся гораздо крупнее Алины. — О себе надо волноваться, не об этом полосатом паршивце.

— Почему полосатом? — машинально удивилась девушка.

В ответ загоготали повторно.

Не волноваться не получалось. Причем за себя Алина, как ни странно, действительно почти не беспокоилась. Разве что в фоновом режиме, как во время катания на экстремальном, но совершенно безопасном аттракционе.

Потому что по плану аттракцион должен был завершиться появлением магоса, который непременно спас бы прекрасную деву и набил обидчикам морды.

Только вот магос запаздывал. Круги на воде расплывались и таяли, а вместе с ними таяла и надежда на чудесное спасение.

Глава третья, *в которой Ракур тонет, Нина психует, а у Алины чешется рука*

Неведомая сила упрямо и мощно тянула вниз, Ракур рвался вверх. Вода, и без того мутная от ила, бурлила и колыхалась, затрудняя обзор. Магос понятия не имел, с чем столкнулся.

Воображение рисовало гигантского осьминога, опыт кричал про магическое лассо, легкие горели от недостатка кислорода, руки судорожно шарили по карманам в поисках подходящего арфактума, но попадались только бесполезные.

Теоретически положение безвыходным не было. Подумаешь, столкнули с лодки и утащили под воду. Случалось и хуже. Но тогда Ракур был один и мог действовать без оглядки на окружающих. А сейчас где-то на поверхности осталась совершенно незащищенная девчонка, а в кармане штанов — ее дурная тетушка. Которая явно не обрадуется, если через пару часов очнется под водой на полпути к месту назначения и в гордом одиночестве.

Рука наконец-то нащупала необходимое — тонкую рыбку чешуйку величиной чуть больше ногтя.

Предпоследняя! Надо обязательно пополнить запас, но это позже...

А сейчас осталось только зажать ее зубами и осторожно вдохнуть, что Ракур и сделал. Магически преобразованный воздух, хлынувший в легкие, пах тиной и болотом, зато позволял пробыть под водой не пару минут, а несколько часов. Назло тем, кто подстроил крушение и сейчас, несомненно, ждал магоса наверху, живого или мертвого, в зависимости от того, чем же его зацепили.

Зацепившее нечто тем временем увлекало Ракуна все глубже. Теперь магос не сопротивлялся, наоборот, позволил утащить себя на самое дно, благо до него было не так уж и далеко. Муть в воде слегка развеялась, и стало понятно, что дали сбой и опыт, и воображение. Носу магоса плотно опутывала жвачка — плотоядная водоросль, распространенная в некоторых ближайших мирах.

Но не в этом!

Значит, подбросили специально. К счастью, не слишком большой комок, иначе проклятое растение добралось бы не только до сапог, но и до самих ног. И немедленно начало бы их пожирать, предварительно обездвигив жертву парализующим ядом. Хорошо, что не полез вслепую руками отдирать, остался бы без пальцев!

Кожаные сапоги тожегодились в пищу злобной водоросли, и сейчас она медленно вгрызалась в голенища. Торопиться растению было некуда. А вот Ракур предпочел бы поспешить. Кто его знает, что там на берегу происходит!

Проще и быстрее всего — снять сапоги и выплыть босиком, но этот вариант магос оставил на самый крайний случай. Сапоги почти новые, удобные, с потайными карманами и всякими приятными усовершенствованиями (сейчас, к сожалению, бесполезными).

Еще можно было надеть перчатки (найти бы их еще!) и срезать приставучую водоросль ножом (найти бы его еще!). Но прожорливая тварь запросто могла покуситься и на перчатки, а они в разы тоньше сапог.

Или...

Магос не удержался и хмыкнул сквозь сжатые зубы. Да, это, пожалуй, вариант! Главное — сделать все достаточно быстро.

Миры в среднем течении реки в основном технологические. Конечно, натуральные материалы использовали и там, но ярко-розовый чемодан Алины совершенно точно из твердого пластика. Пластик жвачка, к счастью, не ела.

Ракун вытащил из кармана фигурку, чуть не выронив при этом остальные, еще раз перебрал в голове варианты, ничего умнее не придумал и вернул чемодану нормальный размер. После чего сразу же понял, что ошибся. Это оказался не тот чемодан. Не розовый, а зеленый. Впрочем, тоже пластиковый.

Но отматывать назад было поздно, и Ракун решительно рванул молнию, открывая основное отделение.

Наружу наперегонки рванулись два лифчика, пижама и хлопковые трусики. Магос прижал всплывающие вещи ногой и для верности потряс ею над чемоданом. Водоросль задумчиво колыхнулась, принимаясь к новым предметам.

На самом деле Ракун не был уверен, что у злобной травы есть нос или глаза, но в пространстве она ориентировалась достаточно бодро. Вот и сейчас жвачка ухватила стебельком трусики и немедленно к ним присосалась. Распробовала! А потом обнаружила, что чемодан полон более вкусных вещей, чем сапоги, и начала заинтересованно переползать внутрь. Медленно, листик за листиком, зато сама.

Дождавшись, пока она окончательно скроется в недрах чемодана, магос резко его захлопнул, запер и снова уменьшил. Не пропадать же добру!

Главное — потом не забыть вытащить в спокойной обстановке, прежде чем отдавать Нине.

Эта склочная женщина его за такое, конечно, убьет. Но лучше уж она, чем злобная трава, подкинутая какими-то уродами.

Кстати, об уродах... Магос выдохнул сквозь сжатые зубы и рванул к поверхности. Ну-ка посмотрим, кто решил расправиться с ним таким бездарным способом.

Выныривал он осторожно, едва-едва приподнимая голову над водой. Как выяснилось, можно было не скрываться — вокруг трепетал стеблями прибрежный рогоз, намертво закрывая обзор. Пришлось наплевать на предосторожности, подплыть к самому берегу и выпрямиться в полный рост. Очень тихо, чтобы случайный плеск или шелест не выдал его присутствия.

Но многочисленные предосторожности оказались бессмысленными: берег, открывшийся перед Ракуном, был абсолютно пуст.

Магос обернулся к реке, но там тоже никого не обнаружилось, только болталась на мелководье пустая лодка.

Кто бы ни подстроил все это, ему требовался не сам Ракун, а его юная племянница. И этот кто-то ее забрал.

Ракун уныло бродил по берегу, расшвыривая лезущие под ноги ветки.

На влажной земле виднелись следы четырех человек, чуть дальше от берега к ним добавлялись отпечатки сапог пятого, оттиски лошадиных копыт и тележных колес. Магос честно отследил похитителей до ближайшей дороги и даже прошел по ней несколько шагов, но затем повернул обратно. Догонять конных пешком — бесполезное занятие.

И даже на помощь позвать некого, потому что для этого надо сначала добраться до

Истока.

Он бросил беглый взгляд на реку. Та, как ей и положено, текла к устью. Придется дожидаться нового рассвета. Почти сутки. Почти сутки наедине с Алинкиной теткой, которую в любом случае уже пора расколдовывать, а то ведь помрет ненароком.

Ракун вытащил из кармана статуэтку и положил на берег. Ладно хоть посторонних нет, никто не помешает.

Заклинание сработало быстро: спустя мгновение на земле лежала уже вполне живая и невредимая женщина. По крайней мере внешне все выглядело нормально. А вот что там внутри...

Магос отступил на несколько шагов назад и приготовился при необходимости бежать как к Нине, так и от нее.

— Раз... два... три...

Считать вслух было не обязательно. Считать вообще было не обязательно, но очень уж не хотелось ждать в тишине. Да и по данным каких-то там исследований распаковка проходит менее болезненно, если жертва заклятия ощущает присутствие рядом других людей. Желательно, конечно, близких, но сойдут и просто живые.

Нина эти исследования явно не читала, поэтому на счет «четыре» вздрогнула, напряглась, выгнулась дугой и дико, нечеловечески заорала. Спазм вскоре закончился, но боль осталась. Женщина вслепую шарил руками по земле, с корнем выдирала траву, сучила ногами, дергалась и хрипло выла. На ее лицо Ракун старался не смотреть.

На счет «девятнадцать» ее отпустило окончательно. Нина затихла, потом со стоном перевернулась на живот, с трудом встала на четвереньки и раскашлялась. Затем — сочно, со вкусом выругалась. И только после этого наконец-то подняла голову. Мутные глаза в звездочках полопавшихся сосудов смотрели прямо на магоса.

— Садист и психопат! — прорычала женщина.

— Я предупреждал, что будет больно, — пожал плечами Ракун, подходя ближе и наклоняясь, чтобы помочь женщине встать. Но она оттолкнула его руку и довольно ловко отскочила в сторону.

— Больно? За горячую сковородку голой рукой схватиться — больно. Утюг на ногу уронить — больно. Зубы драть без анестезии — больно! А то, что сейчас произошло, — это я даже не знаю, какое слово. Это как живого человека наизнанку вывернуть.

Губы у нее дрожали.

Ракун, напротив, улыбнулся. Ругается — значит, жива и вменяема. Все помнит и, по-видимому, осознает. Одной проблемой меньше.

Вторая проблема, впрочем, никуда не делась. Выплеснув гнев, Нина нерешительно переступила с ноги на ногу (каблуки воткнулись в землю по самую подошву), огляделась и удивленно спросила:

— А где Аalinka?

— Там, — махнул рукой магос.

В правильном направлении, кстати, махнул. Но расколдованной оно чем-то не понравилось, и она прозорливо уточнила:

— Там — это за кустами? Или в ближайшем городе? Или где? Мы вообще прибыли на место?

— Не совсем, — не стал скрывать Ракун.

— Поэтому ты выглядишь так, будто только что вылез из болота? Что случилось? Ничего

не хочешь мне рассказать?

Теперь настала очередь магоса переминаясь с ноги на ногу.

— Сядь, — наконец велел он.

Нина огляделась вокруг, не нашла ни стула, ни даже туристической пенки и демонстративно осталась стоять, уставившись на Ракуна, как милит на пойманного контрабандиста. По крайней мере ощущения были очень похожими.

Но, в отличие от милитов, Нине Ракун врать не рискнул.

Рассказал все.

Почти все. Про засунутую в чемодан водоросль все-таки промолчал.

— Так, ладно... Надо успокоиться, надо успокоиться... — бормотала Нина.

Возможно, успокоиться действительно надо было, но у нее никак не получалось. Вот бегать туда-сюда по берегу, нервно жамкая юбку, — да, вполне.

Ракун, наоборот, спокойно сидел на поваленном бревне, смотрел на реку и улыбался.

— Какого черта? — набросилась на него Нина. — У тебя племянница пропала! Что в этом смешного?

— Ничего. Я же не смеюсь, — развел руками магос.

— Но улыбаешься!

Ракун вздохнул и усилием воли придал лицу серьезное выражение, более соответствующее ситуации. Хотя через несколько минут губы снова невольно растянулись в улыбке.

Когда-то в далеком детстве эта привычка казалась полезной. Когда ты мелкий, тощий, нескладный, не можешь сам за себя постоять и вынужден каждый день терпеть насмешки более удачливых и богатых сверстников, единственное, что остается, — это улыбаться. Чем больнее бьют — тем шире улыбка. Всем назло.

Годы прошли, а привычка осталась. Теперь она бесила окружающих еще больше. Ракун улыбался и милитам, и клиентам, и мужьям любовниц, явившимся в самый неподходящий момент. И тому гаду с кнутом, чтоб ему побыстрее сдохнуть. Улыбался даже на похоронах брата и Галины. Слышал осуждающий шепот за спиной, сжимал кулаки — и улыбался.

Отвратительная привычка.

Объяснять все это Нине магос не стал. Она была явно не в том состоянии, чтобы слушать его откровения. А он не имел ни малейшего желания ими делиться.

— Надо что-то делать! — снова начала Нина. — Нельзя просто так сидеть и ждать у моря погоды!

— Это река.

— Да мне без разницы! Мы не можем торчать здесь бесконечно.

— Не бесконечно, а до рассвета. Так что сядь и заткнись. Мне надо подумать.

— Ты уже час думаешь, а Алинку в это время увозят все дальше. Надо идти за похитителями! Не хочешь помогать — я сама пойду!

— Куда ты пойдешь, женщина? Пешком догонять лошадей? А дальше что сделаешь, если вдруг догонишь на свою голову? Пальцем им погрозишь? К совести воззовешь?

Нина пристыжено замолчала. Ненадолго. Спустя несколько минут мельтешение продолжилось:

— Зачем они это сделали? Чего они хотят? Денег? У меня нет денег! У тебя есть деньги? Должны быть, ты же колдун, местная элита! Или им просто понравилась девочка?

Она же еще совсем маленькая! У вас тут есть работорговля? А детская проституция?

— Ей восемнадцать. По местным меркам она уже несколько лет как не ребенок, — уточнил Ракур.

— Как это несколько лет? У вас ведь совершеннолетие в восемнадцать!

— У нас — да. Но мы не у нас.

— Тогда где?

— В соседнем мире. Один виток вниз по течению.

— Не понимаю я эти ваши обозначения, — неожиданно мирно вздохнула Нина.

— Я могу объяснить. Если ты наконец-то утомнишься и спокойно выслушаешь.

Женщина покорно прекратила метаться по побережью и подошла поближе.

Ракур нашел ровный участок земли, подхватил ветку и одним движением нарисовал длинную спираль.

— Исток — здесь. — Кончик ветки уткнулся в центр спирали. И почти сразу же двинулся вниз, пересекая витки один за другим. — Эта линия — река. В конце реки — устье, но оно далеко и нам сейчас не нужно. Так вот, миры расположены вдоль спирали. Ну, типа бусинок на ниточке. Тем, которые находятся на берегу, повезло, до них можно добраться по воде. На закате — туда, на рассвете — обратно. Быстро и просто. Из остальных выход есть только в соседние участки спирали и только по земле. Долго, сложно, опасно, зато в любое время суток.

— То есть мы сейчас здесь, правильно? — Нина ткнула пальцем в пересечение реки и ближайшего к центру витка. Ракур кивнул. — А откуда ты нас забрал?

— Двадцать третий виток. Столько рисовать — терпения не хватит. Доберемся домой — посмотришь по карте.

— А всего их сколько?

— Около сотни. Не помню точно. За семидесятые не забирался.

— А сколько миров в одном витке?

— По-разному. В этом — пять. В следующем — девять. Дальше — больше. Еще есть вопросы? А то я чувствую себя как на экзамене.

— Просто пытаюсь представить себе масштаб в целом. Я знала про наш мир, про ваш, но никогда не задумывалась, что вокруг еще столько всего! А ее не могли перевезти в другой виток?

— Вряд ли. Хотя, конечно, всякое бывает. Не волнуйся, доберемся домой — сразу двинем к милитам. Найдут ее, вот увидишь. — Магос пытался говорить мягко, не заставляя Нину лишний раз нервничать, но, похоже, от его желания здесь мало что зависело: она прекрасно заводилась сама. Но хоть не ревела, и то хорошо.

Зато в который уже раз спрашивала:

— Почему мы сами не можем поискать Алинку?

— Как ты это представляешь? Хоть раз пыталась найти человека в чужом мире?

— Ты же меня как-то нашел! Ну, в самый первый раз.

— У меня был твой камень, с его помощью всегда можно найти законного владельца. Сейчас это не сработает, оба камня у нее.

— А какие-нибудь поисковые заклинания? Ты же маг! Должен уметь делать всякие волшебные штуки!

— Не знаю я подходящих заклинаний!

— Но почему? Такие полезные мог бы и выучить!

— Микрохирургия тоже полезная. Ты ее знаешь? А латынь? А устройство телефона? А карту канализационных систем наизусть? — Ракун дождался, пока Нина покачает головой, и продолжил: — Поняла теперь? Никто не может знать все! Каждый делает свою работу! Искать людей — работа милитов. И завтра они ею займутся.

— Но почему мы не можем связаться с ними прямо сейчас?

— Да потому, что они в другом мире, глупая ты женщина!

— Но ведь ты посылал мне сообщения из одного мира в другой? Браслет, помнишь?

— Помню. Хороший арфактум, ручная работа. Но, извини, дарить такие украшения стражам порядка мне пока не приходилось. Так что все, уймись! Я сказал: ждем до рассвета. Других вариантов нет.

Вместо того чтобы смириться со своей участью, Нина снова заметалась по побережью, словно пыталась ухватить за хвост убегающую мысль. Но вдруг застыла на месте и резко развернулась к Ракуну:

— А можно вычислить, где обладатель браслета?

— Теоретически — можно, но я не знаю как. Да и зачем? Я и так вижу, что ты здесь.

— Нет же! Браслет был на Алинке! Кажется. Ну, то есть она точно надевала его вечером. Я сказала снять, но она же упрямая... Мы можем ей что-нибудь написать?

— Да, но что это даст?

— Что угодно! Хоть моральную поддержку. И... ты сумеешь определить, получила ли она сообщение? И получила ли его именно она?

— Да. — Ракун начал понимать. — Если послание дойдет до адресата, значит, она точно жива и в сознании. Если нет, то... Ну, может, у нее просто браслет сперли. Или она сама его сняла. Тоже бывает.

— Не рассуждай, а колдуй!

— Тогда заткнись. Дай сосредоточиться. — Магос прикрыл глаза и коснулся сережки кончиками пальцев. — Что пишем-то?

Повозка наехала колесом на камень, подпрыгнула, и Алина подпрыгнула вместе с ней, приложившись затылком о дощатое дно. Именно это и привело ее в чувство.

Некоторое время девушка лежала смирно, пытаясь понять, что происходит. Вокруг было темно, все скрипело и дрожало, голова раскалывалась, а руки и ноги неприятно ныли и почему-то не хотели двигаться.

Алина попыталась пошевелить пальцами — получилось с трудом. Ощущение было такое, словно вместо воздуха ее окружал толстый слой резины. Невидимая, но прочная оболочка затрудняла движение, мешала сменить позу или хотя бы вдохнуть полной грудью. Явно какая-то магия.

Девушка невольно фыркнула. Еще вчера она бы все отдала за такое приключение. Даже когда задувала свечи на именинном торте, загадала: «Пусть случится что-нибудь необычное! И чтоб матан пересдавать не пришлось». Ну вот, случилось. Теперь уж явно не до матана.

Мысль о том, что это просто сон или игра воображения, мелькнула и тут же исчезла. Во сне происходящее воспринималось совсем по-другому: сумбурно, путано и нелогично. А сейчас Алина помнила все, что случилось. Как плыли в лодке, как колдун вдруг выпал из нее, а саму девушку неизвестные люди вытащили на берег и...

Дальше память пасовала.

Кажется, один из них на нее дунул. Просто дунул.

Дыхание оказалось противным, чисткой зубов незнакомец себя явно не утруждал. Но вместо того, чтобы высказать этому противнику гигиены все, что пришло в голову, Алина вдруг зевнула и отключилась.

А сейчас, значит, включилась обратно и обнаружила, что ее куда-то везут.

Повозка была сколочена кое-как, в щели пробивался свет, но рассмотреть окружающий пейзаж не получалось. Снаружи могли находиться и лес, и степь, и город.

Хотя нет, точно не город. Города — они громкие, а здесь тихо.

Расслышать получилось разве что отголоски еле слышной беседы, но разобрать слова не представлялось возможности из-за скрипа колес и цокота копыт. По крайней мере девушке показалось, что это именно копыта.

Интересно, специально ради нее конный эскорт выделили, или здесь просто средневековье? Магос вроде цивилизацию обещал.

Алина попробовала повернуться к ближайшей щели, но голова не сдвинулась и на сантиметр. Невозможность пошевелиться почему-то злила больше, чем сам факт похищения. Еще и рука начала дико чесаться. Запястье зудело, как будто его выбрала для обеда целая стая комаров.

Девушка с трудом шевельнула рукой, пытаясь потереть ее о бортик. Тихонько звякнуло. Наручники, что ли? А, нет, браслет. Точно, любимый браслет Нины, над которым она вечно тряслась. И чесалось как раз под ним. Видимо, попало что-то...

Браслет был Алине великоват, и обычно она снимала его, даже не расстегивая. Сейчас это оказалось как никогда кстати. Дождавшись, когда повозка подпрыгнет на очередной кочке, девушка дернулась изо всех сил, потряхнула рукой — и металлическая полоска, легко соскользнув с запястья, грохнулась неподалеку.

На внутренней стороне горела яркая надпись: «Держись, мы тебя скоро вытащим!»

Как только Алина дочитала сообщение, надпись начала гаснуть и вскоре совсем исчезла. И рука чесаться сразу перестала.

Девушка улыбнулась. О ней помнят и ее обязательно спасут! Ситуация сразу стала чуть менее пакостной, чем представлялось до этого. Самую капельку, но все же!

Послание явно пришло от дядюшки-колдуна. Но почему тогда «мы»? Или это типа «Мы, Николай П...»? Кто их разберет, этих магов. И еще интересно, когда именно настанет это обещанное «скоро».

Повозка снова дернулась, а потом внезапно замедлила ход и застыла. Снаружи раздалось конское ржание, а голоса стали громче — мужские, грубые. Алина затаила дыхание, прислушиваясь, но несколько человек говорили одновременно, перебивая друг друга, смысл опять ускользал.

И вдруг совсем близко, за стенкой, прозвучало:

— ...и только попробуйте что-нибудь сделать с девчонкой, пока меня нет. Заказчик узнает — голову оторвет.

— Да не, мы ж не звери какие. И договор чтим, как мать родную, — раздалось с другой стороны.

— Мать родную ты за грош продашь и не поморщишься. — Близкий голос звучал мягко и как будто бы устало.

Зато второй собеседник издавал звуки, напоминающие смесь хриплого лая с карканьем. Кажется, именно он и разговаривал с Алиной на берегу.

— Не бойсь, начальник! Все будет в лучшем виде. Мы на вашу кралю даже смотреть не станем.

— А вот это зря. Через часик придется проверить, как она там.

— Да чего проверять-то? Дрыхнет — и пусть себе дрыхнет.

— К тому времени должна уже будет проснуться. А то и раньше. Так что поглядывайте.

— Мало ли что там по времени. Не орет же. Раз не орет — значит, дрыхнет. Иначе давно бы уже истерику закатали. Бабы — они ж без истерики никуда!

— Тоже верно, — согласился обладатель мягкого голоса.

Что-то звякнуло, снова заржала лошадь, и Алина четко услышала удаляющийся перестук копыт. А повозка снова двинулась вперед.

Больше никто не разговаривал. По крайней мере в пределах слышимости.

Алина немного, насколько позволяли окутывающие ее чары, поерзала на жестком полу, устраиваясь поудобнее, и пообещала себе, что орать не станет. И истерику закатывать — тоже.

Как бы там ни было, она теперь не просто какая-то девчонка, а наследница крутых магов и почти настоящая колдунья. Она должна вести себя достойно и спокойно, а не трястись от ужаса. Тем более что как следует трястись все равно заклинание мешает.

Она сможет, она справится, она заставит себя думать, что это просто приключение. Как в книжке. А все приключения в книжках обязаны заканчиваться хорошо!

И как теперь обратно надеть браслет, кстати?

— Вставай! Пошли! — Ракун решительно поднялся с бревна, на котором сидел.

Нина даже не пошевелилась. Она сидела на том же бревне, демонстративно отодвинувшись подальше. А оно, как назло, было довольно коротким.

Сидеть на самом краю оказалось неудобно, но приближаться к колдуну не хотелось. Разговаривать — тем более. Даже смотреть на него давно стало тошно, поэтому Нина старательно пялилась вдаль, на реку.

Со стороны такой демонстративный игнор, наверное, выглядел глупо и по-детски, но что-то поделать с собой было сложно. Или зауклится и сидеть вот так, запихав истерику поглубже и пытаясь не реагировать на внешние раздражители, или носиться по берегу, реветь, вопить, бросаться на злобного колдуна с кулаками и требовать, чтобы вернул все обратно.

Как будто он может что-то вернуть...

Если рассуждать логически, то в случившемся действительно нет его вины. И все, что он говорит, вполне справедливо. Ничего нельзя сейчас сделать своими силами, нужно просто набраться терпения и дожидаться помощи.

Но как же сложно просто сидеть и ждать!

— Ну же, женщина, поднимайся и топай за мной!

— А? — с запозданием среагировала Нина.

— Ты что, оглохла? Или собираешься торчать здесь до рассвета?

— Я думала, именно это нам и предстоит.

— Я тоже, — развел руками магос. — Но как-то скучно. И есть охота. Ты есть хочешь?

Нина добросовестно прислушалась к собственным ощущениям, но голода не обнаружила. Видимо, он был там же, где и эмоции, — под толстой броней безразличия.

Хотя совсем уж на все эмоции брони явно не хватило, поэтому в ответ Нина беззлобно

огрызнулась:

— Хватит уже называть меня женщиной! У меня имя есть.

— Оно дурацкое. Мне не нравится, — с обезоруживающей искренностью сообщил колдун. — Давай другое придумаем.

— Издеваешься?

— Нет. — Мужчина улыбался, но взгляд оставался подозрительно серьезным. — Тот, кто знает имя, имеет почти абсолютную власть над его обладателем. У вас, в технологических мирах, на это обычно внимания не обращают. Но сейчас ты в мире магическом, поэтому будь добра, не забывай о собственной безопасности. Мне одной пропавшей хватит. Так что давай, думай, как к тебе обращаться. Прозвище есть?

— Н-нет, — с запинкой ответила Нина.

На самом деле прозвище у нее, конечно, было. Даже несколько. Одно старое, еще школьное: как срифмовали в первом классе Нина-кониная, так и дразнили до выпускного. Вторым — Блок-схема — одарили студенты, заметившие у преподавательницы любовь к стрелочкам и кружочкам.

Но ни одна из кличек Нину не радовала.

— Значит, останешься женщиной, пока что-нибудь не придумаешь, — решил колдун.

— А ты сам как же? Так и продолжишь откликаться исключительно на почтенного магоса?

— Тебя что-то не устраивает?

— Да. Невозможность по-человечески общаться.

— Тогда не общайся, — фыркнул мужчина и стремительно направился к дороге, даже не проверяя, следует ли за ним Нина.

— Ты что, так и пойдешь? — не выдержала она, бросаясь следом.

— А что не так? — удивился магос.

— Да у тебя же тина в волосах! И штаны до сих пор мокрые. Хоть бы отжал их нормально! Или меня стесняешься?

— Еще чего. Сами высохнут.

Нина посмотрела на цепочку мокрых следов, остающихся за магосом, и понадеялась, что простуду этот упрямец не подхватит. Потому что если он в здоровом состоянии такая зараза, то в больном, наверное, вообще невыносим.

Глава четвертая, *в которой пропагандируются альтернативные методы лечения близорукости*

Ракун побывал почти во всех мирах первого витка, а в этом и вовсе ориентировался не хуже, чем в Истоке. Его здесь тоже многие знали, особенно в прибрежных районах. Обычно магосу такое положение вещей играло на руку, но сейчас он изо всех сил надеялся, что не наткнется внезапно на старых друзей. Или, что гораздо хуже, на старых врагов.

Чаще всего он сходил на берег чуть севернее, сразу в Викенском порту или неподалеку от него. Там и еда, и ночлег, и работа, и стоворчивые девочки при необходимости находились за несколько минут. Иногда — в одном и том же месте.

Еще дальше начинался престижный район, в котором один за другим стояли особняки. Конечно, на достаточном расстоянии друг от друга, чтобы гарантировать обитателям спокойствие и конфиденциальность. В последнее время многие уроженцы Истока предпочитали жить там, а не на родине. Благо добраться сюда при попутном течении было делом нескольких минут.

А вот к югу от Викены, куда вынесло Ракуна и Нину, с цивилизацией обстояло гораздо хуже: сплошные деревни и небольшие хутора. Об Истоке местные, конечно, знали, но магов побаивались, а потому недолюбливали. В общем, лишний раз светиться перед деревенщинами не стоило. Просто на всякий случай.

Но еду-то купить можно!

Пока что едой даже не пахло. Единственная дорога тянулась вдоль реки, путники шли по ней на север уже почти час, но за это время им не встретилось ни людей, ни домов. Впрочем, тракт попался широкий и явно наезженный, значит, рано или поздно по нему можно добраться до какого-нибудь селения. Или хотя бы до указателя. Поэтому Ракун отважно шел вперед, не забывая поглядывать под ноги. Судя по следам, пока им с похитителями девчонки было по пути.

Нина покорно топала рядом, изредка морщась и потирая глаза.

— Да остановись и выковыряй уже нормально, что тебе там попало. Чего на ходу-то страдать, — буркнул магос, замедляя ход.

Главное, чтобы дело оказалось действительно в случайной соринке, а не в попытках не разреветься навзрыд. А то женщины такое умеют!

Но в случае с этой конкретной женщиной проблема состояла совсем в другом.

— Достань мой чемодан! — попросила Нина. — Не могу больше в линзах, умираю. Лучше очки надену.

— Мм... — многозначительно протянул Ракун.

Очками жвачка, кажется, не питалась. Но пожевать или поцарапать вполне могла. Не говоря уж о хлопковых трусиках, от которых наверняка осталась одна резинка. Возможно, две.

Проверять категорически не хотелось.

— Что? — по-своему истолковала «мм» Нина. — Только не говори, что ты его потерял!

— Потерял! — радостно ухватился магос за предложенную версию. И поспешно придал лицу более грустное выражение. — Извини. Так получилось. Я же тонул...

Нина подозрительно сощурилась, даже глаза тереть перестала.

Ракун машинально втянул голову в плечи, ожидая, что сейчас ему выскажут все, что накопело, и еще что-нибудь добавят сверху, но грома и молний не последовало.

Наоборот, женщина внезапно улыбнулась.

— Что? — недоверчиво спросил магос.

— Ты извинился, — объяснила она.

— Тебе показалось. Я не умею.

— Ну да, конечно, — хмыкнула Нина, тщательно вытерла руки об юбку и начала выколупывать линзы.

— И что ты делаешь? — удивился магос. — Ты ведь без этих штук ничего толком не видишь!

— С ними я тоже очень скоро перестану видеть. С тебя новые очки. Надеюсь, они у вас вообще есть?

— Есть, конечно. И линзы есть, если что.

— Да ну их к лешему, эти линзы. Одни проблемы от них, вечно потом глаза болят. Я их и не ношу почти.

— А зачем тогда надела?

— Ну... — Нина задумчиво потыкала в лежащие на ладони прозрачные кругляши и, широко размахнувшись, зашвырнула их в кусты. — Красивой хотела быть. Блузку вот новую нацепила, в парикмахерскую сходила. Важная дата, последний день в родном мире, все такое.

— Если бы я тебя не забрал, был бы не последний.

— Если бы ты меня не забрал, я бы в окно вышла, — вздохнула женщина.

Ракун так и не понял, шутит она или всерьез.

Да Нина и сама не вполне понимала.

Когда Нина первый раз зацепилась за валяющуюся на дороге ветку, Ракун хмыкнул. Во второй раз промолчал. В третий — подхватил спутницу под руку, но та с негодованием вырвалась и убежала на несколько шагов вперед. Исключительно для того, чтобы неловко наступить каблуком на камень и во весь рост растянуться на дороге.

— Эй, ты там живая? — настороженно спросил магос, четко расслышавший хруст.

— Я — да. Каблук — нет. — Нина с кряхтением выпрямилась и потрясла в воздухе пострадавшей туфлей.

— Отлично! Теперь ты не только слепая, но и хромая. Имей в виду, нам еще обратно идти.

— Да мы и туда-то все никак не дойдем. Сколько еще осталось?

— Понятия не имею. Но если минут через пятнадцать ничего подходящего не встретим, повернем назад. Ничего, походишь денек голодной.

— А чего сразу я? Сам же ныл, что есть хочешь!

— Не ныл, а сообщал. Отдай туфлю! — Ракун, не дожидаясь разрешения, выхватил обувь из рук Нины. — И вторую тоже дай сюда.

— Зачем? — удивилась женщина, но покорно разулась.

Магос придирчиво осмотрел туфли, примерился и одним движением оторвал второй каблук:

— Все, на первое время сойдет. Потом новые купишь.

— Сам купишь. Ты же утопил все мои вещи!

— Ладно, — буркнул Ракур.

Виноватым он себя не чувствовал, но бывают моменты, когда лучше согласиться, чем объяснять, почему нет. Тем более что своих-то денег у этой дурищи все равно не имелось.

Дурища тем временем отобрала туфли обратно, нацепила и отважно направилась дальше, украдкой потирая разбитый локоть. Даже и не хромала почти, хотя без каблучков наверняка было неудобно.

Могла бы, пожалуй, попросить о помощи. Хотя бы идти помедленнее, а то и вообще опереться на руку магоса. Но нелюбовь к простым человеческим просьбам у них с Алиной являлась, видимо, общей семейной чертой. Но если глупость племянницы легко списывалась на юный возраст, то оправданием для тетушки мог послужить разве что старческий маразм. До которого ей, впрочем, было еще далековато.

Значит, просто дура.

«Просто дура» тем временем не разглядела на дороге очередную выбоину и снова грохнулась. В этот раз на задницу.

— Нет, так мы далеко не уйдем, — вздохнул Ракур, рывком поднимая женщину на ноги. — Ты что, совсем ничего не видишь?

— Я вижу вполне достаточно, чтобы разглядеть твою мерзкую ухмылку!

— Ну-ну... — Именно в этот момент магос для разнообразия не улыбался, поэтому выводы об остроте Нининого зрения сделал вполне однозначные. — Ладно, кротиха, глаза я тебе починить не могу. Но... скажи-ка, когда мы в первый раз встретились, ты же нормально видела?

Нина задумалась.

Первая встреча произошла двадцать лет назад, именно тогда она впервые услышала про Исток и свое наследство. Линзы в то время точно не носила, да и очки надевала только в институте, чтобы разглядеть написанное на доске. Сколько же у нее тогда было? Кажется, минус полтора. Да даже если и минус два — на фоне того, что сейчас, это все равно почти нормально!

— Да, тогда видела прекрасно, — мечтательно протянула женщина.

— Отлично! — Ее спутник вытащил из бездонного кармана коробочку с маленькими коричневыми пилюлями, рюмку и стеклянную бутылочку, в которой плескалась ядовито-зеленая жидкость. — Мне понадобится капля твоей крови.

Нина отпрянула, предусмотрительно спрятав руки за спину.

— Да ладно, не артачься. Результат тебе понравится.

— Мне уже не нравится процесс.

— Женщина, хватит строить из себя недотрогу! Иди сюда и не спорь. Даже колоть ничем не надо, у тебя и так весь локоть в крови. — Магос ловко подхватил рюмкой сползающую по руке каплю, плеснул туда же зеленой жидкости, закинул в получившуюся смесь две пилюли и как следует взболтал.

Зелье взбурлило и сменило цвет на кислотно-желтый. Резко запахло тошнотворно-сладкими цветами и почему-то горелым пластиком.

— Я не буду это пить! — решительно отстранилась Нина.

— Будешь. И лучше добровольно, иначе залью силком. Давай-давай, тут один глоточек всего. Ты же последние несколько часов ничего не ела? — на всякий случай уточнил Ракур.

— Когда бы я успела!

— Вот и отлично. Проблем с сердцем нет? Не беременна? Не... Хотя ладно, если от запаковки оклемалась, то и это переживешь. В общем, пей и постарайся, чтобы не стошнило. По крайней мере в первые несколько секунд.

Нина смотрела на мага, пытаясь найти в его лице хоть какой-то намек на то, что все это шутка, но нашла только расплывчатое пятно. К сожалению, проблему со зрением действительно требовалось как-то решать, иначе к разбитому локтю и ушибленным коленям могла очень быстро добавиться сломанная шея.

Женщина тряхнула головой и протянула руку за рюмкой:

— Ладно, давай свою отраву. Если умру — это ляжет на твою совесть.

— Не умрешь, не надейся. Но предупреждаю: будет больно.

— Так же больно, как и в прошлый раз?

— Нет, хуже.

Нина подумала, что хуже просто невозможно. И, зажмурившись на всякий случай, одним глотком осушила рюмку.

— И дальше... — добавил маг, отбирая у нее опустевшую посудину и предусмотрительно отходя подальше.

Женщина его уже не слышала. Колдовская жидкость огненным вихрем опалила гортань и потекла дальше, в желудок, сжигая все на своем пути. Дыхание перехватило, из глаз брызнули слезы. Нина, не удержавшись на ногах, рухнула на колени.

Предупредительное «постарайся, чтобы не стошнило» показалось настоящим издевательством. Нина была бы рада избавиться от зелья — не важно, выплюнуть или вытошнить, — но никак не могла этого сделать, будто все органы разом отказались работать. Внутри кипело, горело, бурлило. Жидкость растекалась все дальше, и любое ее продвижение отзывалось жгучей болью.

Да, это оказалось гораздо хуже, чем в прошлый раз.

В прошлый раз она могла хотя бы кричать. В этот — даже дышать не могла.

— Если тебе интересно, то эта штука стоит дороже, чем весь твой чемодан, даже если бы он был из золота. Так что можно считать, что мы в расчете, — вещал маг, пока Нину рвало за кустами.

— Ни черта мы не в расчете! Ты вообще представляешь, как я себя чувствую?

— Примерно так, будто с тебя содрали кожу, а все, что осталось, прокрутили до состояния фарша. А потом запихали обратно. И теперь, когда ты двигаешь рукой, у тебя дергается ухо, а зубы стучат в коленях.

Нина хотела огрызнуться, но только устало закашлялась.

На самом деле описание вышло крайне достоверным, именно так она себя и ощущала. Разве что зубы не стучали, а ныли все разом, и отдавалось это не в коленях, а в позвоночнике.

— Молчишь? Думала, я эту гадость никогда не пил, что ли? — продолжал маг. — К сожалению, приходилось. Кстати, можешь порадоваться: в ближайшие десять лет тебе больше нельзя ни капли, и так двойную дозу накатила.

— Да чтобы я еще раз прикоснулась к этой отраве...

— Между прочим, не отраву, а лекарство. Средство для экстренной реанимации в особо сложных случаях. Для простых не подходит, там список противопоказаний длиннее, чем полный атлас всех миров. Ты, кстати, как? Пришла в себя? Крови нигде не видно? Живот не болит?

— Пломба выпала... — вздохнула Нина, ощупывая языком дырку в зубе. Точнее, то место, где она должна была находиться. Но дырки почему-то не было. А вот сам зуб — был. Целехонький. — Что ты со мной сделал?

— А ты подумай. Пройдись. Прислушайся к ощущениям.

Думать получалось с трудом, ходить тоже. Боль отступила, но ей на смену пришла такая слабость, что хотелось немедленно лечь и уснуть. Только не прямо в кустах... Надо хоть обратно на дорогу выбраться... Надо...

— Так, кротиха, только давай без обмороков! — возмутился магос над самым ухом, но покачнувшуюся Нину поймал и даже обхватил двумя руками, не давая рухнуть на землю. — Ничего, потерпи, сейчас пройдет. Я знаю, что от этой дряни очень мерзкий отходняк. Но зато какой результат, а! Я уже и забыл, какие у тебя тогда были милые щечки!

Нина машинально подняла руку и ощупала лицо.

Щечки действительно были: свои, родные и какие-то подозрительно гладкие. Вообще кожа была как после какой-нибудь очень крутой и зверски дорогой косметической процедуры. Нина в таких штучках не особо разбиралась, но рекламки с громкими надписями типа «Экспресс-курс омоложения» бойкие девочки на улице ей регулярно совали. Видимо, считали, что усталой, вечно спешащей по делам тетке срочно необходимо сбросить лет десять — и все проблемы решатся сами собой.

От мысли о возрасте в голове наконец-то прояснилось. Колдун же не случайно спрашивал, как она видела двадцать лет назад. Такие, как он, вообще ничего случайно не делают!

Нина вывернулась из рук магоса, снова едва не упала, но все же ухитрилась отойти на пару шагов, опереться о дерево и наконец осмотреть себя.

Зеркала не имелось, но и без него все стало понятно. Как минимум — она все видела. Видела так ясно и четко, как последние несколько лет только в очках.

Исчезли морщины и некоторые мелкие шрамы, кожа стала более гладкой и здоровой. Руки казались непривычно тонкими, ноги — удивительно стройными, живот подтянулся.

Нина не была толстой и вообще считала, что неплохо сохранилась для своих лет. Если и прибавила с возрастом, то всего пару размеров. Оказалось, что пара размеров — это не так уж и мало. Юбка сразу соскользнула с талии и повисла на бедрах, блузка выбилась из-под нее и теперь болталась сверху бесформенным мешком. Только туфли были все еще впору.

— Ничего себе откат к заводским настройкам системы! — выдохнула женщина.

— Дошло наконец-то? — ухмыльнулся магос. — Говорил же: результат тебе понравится.

— И что, так можно каждый раз отматывать возраст обратно?

— Если бы. С каждым разом зелье действует все хуже, а отходняк все сильнее. Пять-шесть таблеток — это предел человеческого организма. Каждая следующая может стать смертельной.

— И сколько ты уже выпил? Сколько тебе вообще лет? — С момента первой встречи магос почти не изменился, но Нина только сейчас сообразила почему. До этого ей даже в голову не приходило думать о его возрасте. Мало ли, хорошо сохранился! В конце концов, случается же, что люди и в пятьдесят выглядят на тридцать безо всякой магии.

— В приличном обществе такие вопросы не задают, — отшутился мужчина. — И вообще, не вздумай кому-нибудь рассказывать, что видела у меня эти таблетки, да еще и пила их. В свободной продаже таких лекарств нет, применение разрешено только в больничных условиях.

— Тогда где ты их взял?

— Меньше знаешь — крепче спишь. А если достаточно оклемалась, чтобы болтать, то пошли дальше, а то я скоро собственные сапоги с голодухи жевать начну. — Магос бодро двинулся, махнув рукой: догоняй, мол.

Нина поморщилась. У нее и до этого аппетита не было, а после адского зелья любая мысль о еде вызывала только тошноту. Но в остальном тело вело себя прекрасно: ничего не болело, не скрипело и не ныло, дышалось легко и свободно, а по дороге хотелось не идти, а бежать, причем вприпрыжку.

Омолодившаяся женщина даже перестала злиться на колдуна за его садистские способы решения проблем и чувствовала себя постыдно счастливой. Минут пять.

Потом вспомнила про Алину — и чувство тревоги снова захлестнуло с головой.

Может, стоило остаться дома и не отсвечивать? Да, было бы грустно, одиноко и немного волнительно, но совсем не так, как сейчас. Вышло бы, как с Галкой. Тогда Нина три года занималась своими делами, изредка получала короткие послания на браслет, радовалась за сестру и пыталась убедить себя, что поступила правильно.

Три года она почти верила в это.

А потом в дверь позвонили...

Когда в дверь позвонили, Нина как раз красила губы.

Она недолюбливала косметику, но на свидания вроде как положено ходить при полном параде, особенно если в театр. Пришлось стряхнуть пыль с косметички, достать тушь, помаду и пудру и нарисовать на лице что-нибудь относительно приличное. С непривычки получалось медленно, а время поджимало, Кирилл должен был вот-вот прийти.

Поэтому, заслышав дверной звонок, Нина ни секунды не сомневалась — это он.

Оказалось — нет.

На пороге стоял незнакомый мужчина с приятным открытым лицом, но очень цепким взглядом. Взгляд скользнул по Нине, изучил ее одежду, обстановку в коридоре, заметил пыль на плафоне и вчерашнюю грязь на стоящих в углу босоножках — и все это за доли секунды, которые потребовались девушке для того, чтобы удивленно сказать: «Здрасьте».

— Здравствуйте, Нина, — ответил незнакомец. — Могу я войти?

Хозяйка квартиры посторонилась, пропуская гостя внутрь.

В душе заворчалось неприятное предчувствие. Не осталось никаких сомнений — мужчина прибыл из другого мира: чувствовалось в нем что-то такое нездешнее, хотя никак не получалось определить, что именно. Человек как человек: высокий, с короткими светлыми волосами, одет в... или нет, в...

Ага, вот оно что!

Одежда незнакомца таинственным образом ускользала от взгляда. Кажется, она была серой. Или, может быть, голубой. И это плащ? Или штаны? Хотя, возможно, вообще какая-нибудь мантия.

Фантазия охотно подсовывала Нине то, что она пыталась увидеть. Чаще всего — обычный брючный костюм.

— Налюбовались? — улыбнулся мужчина, заметив ее интерес. Улыбка у него оказалась мягкой, располагающей, и Нина охотно улыбнулась в ответ.

— Извините, просто задумалась. Удобно, наверное, иметь такую одежду: где угодно за своего сойдешь, и в ресторане, и в походе. А что это на самом деле?

— Униформа, — уклончиво ответил гость. — Полагаю, вы уже поняли, что я из Истока. Позвольте задать вам несколько вопросов?

— Конечно, — кивнула Нина. Гость так и не представился, но повадками больше всего напоминал доброго милиционера из старых фильмов. Да, кажется, им и являлся. А как проверить? Не удостоверение же спрашивать... — Только побыстрее, если можно. Я немного тороплюсь.

— Хорошо. Тогда перейду сразу к делу: где вы были вчера днем?

— Дома.

— Весь день?

— Да. — Она сказала чистую правду. Сначала девушка отсыпалась после экзамена, а потом просто валялась на диване с книжкой.

— Одна?

Нина задумчиво покрутила в руках помаду.

Утреннее сообщение от колдуна она, конечно, прочитала, но особого значения ему спросонья не придавала. Ясно — этот тип во что-то ввязался и теперь просит его прикрыть. Ладно, ей не сложно. Но ведь там было сказано: «Если спросят...» Значит, могли и не спросить. Или спросить когда-нибудь потом. А не в тот самый момент, когда она одной ногой уже находилась в театре.

И знать бы, что он натворил... А то вдруг что-то серьезное. Вдруг она сейчас соврет, а в итоге пострадают все: не только колдун, но и она сама, и Галка. А вдруг наоборот: все пострадают, если не соврет?

— Нина, вы находились дома одна? — с нажимом повторил незнакомец.

— Нет, — решила девушка. — С мужчиной.

— Могу я узнать, кто это?

— Можете, но... — Нина смутилась, причем совершенно искренне. — Только не смейтесь, но я не знаю, как его зовут. Он за все время так и не сказал. Но если вы меня нашли, то наверняка его знаете. Моя сестра замужем за его братом. Мы познакомились три года назад... ну и с тех пор иногда... общаемся...

— Да, я понимаю, о ком вы. Хорошо, спасибо за информацию. И у меня для вас еще одно сообщение... — Гость слегка замялся, словно собирался с духом, но сказать ничего не успел — в дверь снова позвонили.

Нина отперла без раздумий. Уж в этот раз — точно Кирилл.

И отпрянула, увидев перед собой темноволосого колдуна.

— Что вы здесь...

— Достопочтенный магос, что вы тут делаете? — Добрый милиционер вклинился между хозяйкой и гостем и сразу же перестал казаться добрым. — Вам же велели не покидать пределы Истока!

Колдун посмотрел сквозь него, будто через пустое место. Отодвинул стража порядка с дороги, подошел к Нине и властно положил руку ей на талию.

— Если допрос окончен, то вы можете быть свободны. Я сам ей все скажу.

На лице милиционера промелькнуло явное облегчение, зато Нина, наоборот, напряглась. Ситуация не предвещала ничего хорошего.

— Что случилось?

Вместо ответа колдун опустил ей на талию вторую руку, словно подтверждая право собственности. На взгляд Нины, он явно переигрывал, но вырываться девушка не рискнула.

Ведь для милиционера они вроде как пара.

И тут в дверь позвонили в третий раз.

— Открыто, — машинально бросила Нина.

В этот раз на пороге действительно стоял Кирилл.

— Прости за опоздание. Ты готова? — с ходу начал он... и замер, разглядев, что его девушка не одна. Более того, стоит в обнимку с каким-то непонятным и не очень приятным типом. В компании еще одного, чуть более приятного, но все равно незнакомого.

— Мм... Подожди во дворе, я через несколько минут спущусь, — пробормотала Нина.

— Не спустишься, — обрубил колдун. — Никуда ты сегодня не пойдешь.

— Что вы... — начал Кирилл и осекся, встретившись взглядом с магосом. — Кто вы?

— Нет, мальчик, это я хотел бы знать, кто ты и чего хочешь от моей женщины?

— От вашей... кого? — Кирилл удивленно захлопал глазами. На фоне гостей из другого мира он действительно казался мальчишкой — очкастым и угловатым подростком, впервые пригласившим девушку в театр.

Хотя до этого они, конечно, и в кино ходили, и в кафе, и на аттракционах катались. Все как положено, в общем. Он бы и в ресторан Нину сводил, но на стипендию особо не пощикуешь. Хватит пока и театра.

Правда, от происходящего все радужные мечты Кирилла об идеальном свидании покрылись трещинами. Не каждый день видишь, как твою девушку лапает посторонний мужчина. А она смущенно пытается сделать вид, что ничего страшного не случилось.

— Отпусти немедленно, — прошипела Нина, но магос держал крепко. И прекращать маскарад не собирался.

— Дорогая, чего это сутулое недоразумение от тебя хочет? — нарочито издевательским тоном протянул он.

— Я н-не н-недоразумение. — От волнения Кирилл начал заикаться.

— Кир, пожалуйста, не слушай его. Я все объясню.

— Н-не надо. Я, к-кажется, уже п-понял. — Парень круто развернулся и вылетел за дверь.

— Идиот, — бросила Нина, не уточняя, относится это к Кириллу или к магосу.

А вот кто точно идиотом не был, так это иномирский милиционер. Он с любопытством наблюдал за происходящим и наверняка старательно подмечал все несоответствия.

Несоответствий, как назло, выплыло множество.

По крайней мере Нине всерьез начало казаться, что единственную адекватную реакцию на происходящее выдал как раз Кирилл. А колдуну, как выяснилось, на «конкурента» наплевать. Или почти наплевать.

— И что это сейчас было? — с ухмылкой спросил он.

— Парень мой. Видимо, уже бывший.

— Тебе меня мало, что ли?

— Ты редко приходишь, — притворно вздохнула Нина и, шалея от собственной наглости, обняла колдуна. Играть так играть. А оплакать сломанную личную жизнь можно и позже, когда никто не увидит.

Милиционер игру оценил. Осторожно кашлянул, привлекая внимание «влюбленных», и кивнул на дверь:

— Достопочтенный магос, я с вашего позволения удалюсь. У меня еще есть дела в этом мире. Но на рассвете жду вас на берегу, обратно в Исток вы отправитесь под моим

контролем. Запрет на ваше свободное перемещение еще не отменен. И я вынужден буду сообщить о нарушении.

— Плевать, — неожиданно резко бросил колдун. И, чуть смягчившись, добавил: — Да не сбегу я. Здесь останусь. Встретимся на рассвете.

— Итак... — начала Нина, едва за милиционером закрылась дверь. — Ради чего все это и что такое важное ты непременно хотел сказать мне сам?

— Не хотел. И не хочу. Но лучше, если ты услышишь это от меня. Сядь.

— Мне и так неплохо.

— Я сказал — сядь. Кресло у тебя есть? Вот в кресло и сядь. И не смотри на меня так. Хотя нет, лучше смотри. Не перебивай.

С каждым словом Нина все яснее понимала — что-то случилось. Что-то плохое. Что-то страшное. Непоправимое.

Три года она верила, что поступила правильно, отправив Галку в другой мир вместо себя.

И только теперь поняла, какую ошибку совершила.

Глава пятая, *в которой Нина получает прозвище, пиво и информацию к размышлению*

Ракун обернулся и с удивлением обнаружил, что Нина, до этого бодро бежавшая следом, застыла посреди дороги и с отрешенным видом разглядывает облака.

— Эй, кротиха, ты чего застряла? — окликнул магос.

— Прекрати меня так называть!

— А как? Женщиной называться тебе не нравится — ладно. Но кроты-то чем не угодили? Милые животные. И такие же слепые.

— Хватит надо мной издеваться!

— Даже не начинал. Вот если бы я тебя медведкой обозвал, это была бы издевка. Или кто там еще не слишком зрячий... летучая мышь, носорог, выхухоль... — Лицо магоса озарилось искренней улыбкой. — Точно, выхухоль! Отличная зверюшка!

— Не-е-ет, — обреченно протянула Нина.

— Да! Ты только вслушайся, как звучит: вы-ы-ыхухоль!

— Отвалихухоль, — буркнула женщина.

— Нехухоль, — парировал магос, — хныхухоль, дрыхухоль, глухохоль, сдыхухоль...

Нина терпеливо подождала, пока у Ракуна иссякнет поток красноречия, и спросила в лоб:

— За что ты меня так не любишь?

— Я? — опешил магос.

— Не я же!

— Вот как раз ты меня точно не любишь.

— Не люблю, — не стала отпираться Нина. — Но у меня для этого хоть причина есть.

— И какая же?

Ракун ожидал, что сейчас ему начнут высказывать все подряд, начиная с самого первого появления: так и не съеденный именинный торт, гибель сестры, болезненное превращение, пропажу Алины и чемодана... в общем, то, в чем он и сам готов был себя обвинить. Но в ответ неожиданно тихо прозвучало:

— Это ведь из-за тебя меня парень бросил.

— Не больно-то ты от этого страдала, — хмыкнул Ракун, вспомнив заикающегося очкарика. — Да и есть ли по кому убиваться! Или он миллионером стал?

— Да нет. В аспирантуру пошел, а потом так в институте и остался. Мы коллеги сейчас. Но, понимаешь, я каждый день его на работе вижу — и каждый день вспоминаю его взгляд. Ну, когда он нас с тобой тогда увидел. И он до сих пор думает, что я его обманывала, что я ему изменяла.

— Так объяснила бы.

— Что именно? Что меня колдун из другого мира попросил ему подыграть? Как ты вообще это представляешь?

Ракун пожал плечами. Да, с этой точки зрения ситуация действительно выглядела неприятно. Просто тогда некогда было об этом думать.

— Знаешь, я ведь в какой-то момент даже обрадовалась, что так получилось, —

призналась Нина. — Ну, что он нас застукал. Я и сама хотела с ним порвать, но не решалась. Думала: расстанемся мы, а что дальше делать? Больше-то на меня никто особо и не смотрел... В общем, правильно думала, как выяснилось.

— Да ладно? — искренне удивился магос. Отправляясь за Алиной, он не сомневался, что ее тетушка давно уже обзавелась мужем и выводком разновозрастных детишек. Оказалось — ничего подобного. А ведь симпатичная же девушка, да и неглупая. Хотя, конечно, та еще выхухоль. — Что, после того заморыша больше никого и не было? Вообще?

— Иногда случалось. Но так, на одну ночь. — Нина поморщилась и отвернулась, но Ракун не остановился:

— Серьезно? Да почему?

— Потому что они все не такие.

— Не такие — это какие?

— Ну... не настоящие. Картонные, однобокие. Живут в своем реальном мире и ничего за его пределами не видят. Работа-дом-работа. Самое большое достижение — летом на море съездить. Такое чувство, что люди вообще не знают, зачем живут. Пыталась с ролевиками тусить, но «дивные эльфы» оказались еще хуже... На первый взгляд такие все возвышенные, галантные, начитанные, а дров для костра не допросишься. Только ветер в голове. В общем, не сложилось...

Нина осеклась, запоздало сообразив, что плачется о неудавшейся личной жизни не подружке, а мерзко ухмыляющемуся колдуну.

Повисло неловкое молчание, прерываемое лишь шелестом деревьев над головой да тихим бряцаньем пряжек на сапогах магоса.

— Это все? — не выдержал тишины Ракун. — Ты поэтому так от меня шарахаешься?

Нина покачала головой и нервно потерела край блузки.

— Я... Я ведь до сих пор не знаю, где ты находился в ту ночь.

Уточнять, в какую именно, не потребовалось. Магос прекрасно понял, о чем речь. Понял и то, что его спутница хотела этим сказать.

— Так, женщина, выкинь этот бред из головы. Вообще выкинь, насовсем. Я не убивал их. Клянусь, что не убивал! Меня действительно не было в Истоке в это время. Веришь?

— Верю, — кивнула Нина, хотя доверия в ее голосе не чувствовалось совершенно.

Ракун мысленно вздохнул. Переубеждать спутницу он не собирался, вот еще. Хочет подозревать его в братоубийстве — пусть подозревает. Подозрением больше, подозрением меньше... Проблем-то!

Хотя думать об этом все равно оказалось не слишком приятно.

— Теперь твоя очередь, — напомнила Нина после очередной затянувшейся паузы. — Почему ты относишься ко мне так пренебрежительно?

Почему? Вряд ли Ракун сам мог объяснить почему.

Потому что она так легко отказалась от наследства, за которое многие убить готовы. Потому что нарушала все правила приличия и обращалась к магосу как ровня. Потому что не знала элементарных вещей и удивлялась общеизвестным фактам. Потому что была слишком открытой и искренней, слишком простой и приземленной для Истока и даже не пыталась казаться другой.

А может, ему просто нравилось подтрунивать над Ниной, задевать ее, выбивать из колеи — и наблюдать, как она на это реагирует.

И еще приходилось следить, чтобы она не ударилась в истерику. Пока женщина вела

себя вполне прилично: нервничала, психовала, но не ревела, не паниковала совсем уж откровенно. А когда слишком глубоко задумывалась о своей несчастной судьбе, достаточно было в очередной раз ее подколоть — и беспросветная тоска в глазах сразу же отступала.

— Да нормально я к тебе отношусь, — решил наконец магос. — Просто... ну... ты реально иногда такая выхухоль!

Нина замахнулась, пытаясь дать Ракуну шутливую затрещину, но он ловко перехватил руку и посмотрел женщине в глаза неожиданно строго:

— А вот так никогда не делай! Дразнись, обзывайся, обвиняй меня в том, что я испортил тебе жизнь — но даже не пытайся меня ударить. А лучше — вообще не трогай.

Указатель обнаружился внезапно, когда Ракурн уже почти решился повернуть обратно.

Покосившаяся деревяшка на развилке уверяла, что направо будет некое Заречье, а прямо — Копилаты. Копилаты магос видел разве что на карте, так назывался небольшой городок чуть южнее Викены. Значит, с направлением он угадал верно. А вот с расстоянием так запросто определить не получалось: до цивилизации могло оказаться и полчаса пути, и сутки.

Про Заречье Ракурн слышал впервые — видимо, это была какая-то мелкая деревенька из тех, которые даже на картах не всегда рисуют. Зато находилась она совсем рядом: вдалеке уже виднелись крыши невысоких домиков, а сразу за развилкой начинались поля, аккуратно размеченные колышками.

По обочине дороги, позвякивая колокольчиками, брели коровы. А значит, где-то поблизости мог находиться пастух, следящий, чтобы его рогатые подопечные не слопали чужую пшеницу. Или что они там едят?

— Эй, есть тут кто? — крикнул Ракурн.

— Ну, допустим, есть, — ворчливо отозвался невзрачного вида мужичонка, до этого успешно скрывавшийся за коровьим боком.

— Местный? Из Заречья?

— Ну, допустим, так.

— А трактир у вас там имеется?

— Ну, допустим, имеется. — Пастух внимательно оглядел путников и внезапно с гордостью добавил: — Даже целых два. Только вы в тот, который поближе к дороге, не ходите. Дорого там. Да вас и не пустят, для приличных место.

— А я, по-твоему, кто? — Магос демонстративно щелкнул пальцем по сережке.

Мужичонка подслеповато сощурился, пригляделся — и вдруг побледнел и задержался, словно пытался одновременно поклониться и вытянуться по стойке смирно. В итоге, так и не определившись, плюхнулся на колени.

Коровы наблюдали за его метаниями со свойственной им флегматичностью, Ракурн — с презрением, Нина — с любопытством. До этого она подобное поведение разве что в кино видела.

— Прощу прощения, достопочтенный магос, не признал, — запричитал пастух, убедившись, что прямо сейчас его убивать никто не собирается. — А может, проводить вас? Или еще чем услужить? Это я мигом, вы только скажите.

— Как-нибудь без провожатых доберусь, — отмахнулся Ракурн. — Лучше вот что скажи... У вас всегда дорога такая безлюдная? Сколько шли — никого не встретили.

— Да не, господин магос. Раньше-то дорога наша никогда не пустовала. Бывало, даже ночью народ проезжал. А в том месяце старый мост перед Копилатами обвалился, теперь все

в обход едут.

— И что, за весь день сегодня никого не было? Давно ты тут околачиваешься?

— Да с самого утра коровок выпасаю. А люди были, отчего не быть. — Пастух с кряхтением выпрямился и наконец-то отважился посмотреть магосу в лицо. — Сперва верховые: доктор наш, да еще мужик какой-то, не признал его. Но они оба к нам в Заречье свернули. Потом Марленка от любовника своего бежала, торопилась. Еще повозка прямехонько на север ехала. Я даже подумал, куда ж они так мчатся, моста ж нет. Но не догонять же полоумных. Понадобится — сами вернутся.

— Какая повозка? — подалась вперед Нина, но магос сразу же ухватил ее за руку и крепко сжал, призывая не вмешиваться в разговор.

— Да обычная. Крытый такой фургончик, пара коняшек в упряжке.

— И все? Точно все? — уточнил Ракур.

— Да чтоб мне провалиться, если вру!

Магос хмыкнул и потеревил сережку. Нина подумала, что с него станется устроить несчастному пастуху немедленное проваливание, просто чтобы позабавиться, но, к счастью, обошлось. Колдун развернулся в сторону деревни и решительно зашагал по дороге, увлекая спутницу за собой.

— Ты бы ему хоть спасибо сказал, — укорила женщина.

— За что? За то, что он посчитал меня каким-то отребьем?

— Но ты действительно выглядишь как бомж какой-то. Да и я не лучше.

— Знаешь, в чем прелесть высокого происхождения? Маг имеет право выглядеть так, как ему хочется. И горе тому, кто его этим попрекнет. Так что пусть этот коровник радуется, что жив остался.

Нина оглянулась на пастуха. Тот все еще провожал их взглядом, попутно отряхивая дорожную пыль с потертых штанов из грубой некрашеной ткани. Рубаха на нем была такая же потертая, перетянутая веревочным поясом. Впрочем, и то и другое — гораздо чище, чем заляпанная прибрежной грязью одежда магоса.

— Тут что, средневековье? — удивилась Нина.

— Нет, просто деревня.

— У нас даже в деревнях так не ходят!

— Так мы и не у вас, — парировал Ракур.

Однако на первый взгляд Заречье не сильно отличалось от обычной российской глубинки: деревянные домики (где косые и разваливающиеся, а где новенькие, свежеекрашенные и с резными ставнями), палисаднички перед крыльцом и огороды на задворках. Дорогу вразвалочку переходили гуси, из-за заборов раздавался собачий лай, с крыш пялились кошки и...

Нина потеряла глаза, но в этот раз зрение ее не обмануло: на козырьке ближайшей крыши сидела крупная белая куница и задумчиво вылизывала крыло.

Колдун, как назло, шел впереди и ничего необычного не замечал. Нина хотела дернуть его за рукав, но вспомнила, как нервно он реагирует на прикосновения, поэтому ограничилась осторожным «эй». Ответа не последовало, пришлось шипеть вдогонку:

— Достопочтенный магос, можно минутку вашего внимания?

— А? — обернулся тот. — Чего тебе, женщина?

— Это у вас нормально? — Нина указала глазами на куницу.

— Не очень. Обычно их на поводке держат, чтобы не разлетались во время гона.

— Но вообще крылатая куница — это нормально?

— А, ты об этом, — сообразил магос. — Да, это марта. Они почти во всех окрестных мирах водятся. Ручные, как кошки. И точно так же весной сходят с ума: орут, мечутся, дерутся, хозяев не признают. Особенно в равноденствие их переклинивает.

— Поэтому и марта? — догадалась Нина. — Равноденствие же в марте?

— Нет, не поэтому. Наоборот, март в их честь. «Месяц безумных март», если полностью. Но каждый раз это проговаривать долго, поэтому постепенно сократили.

Нина честно попыталась вспомнить, почему в ее родном мире март называется мартом, но никаких летающих куниц в объяснениях ученых точно не фигурировало. Вот и пойми теперь, кто у кого спер название и в какие бесконечно далекие годы это произошло.

— А другие месяцы у вас тоже называются так же, как у нас?

— Это у вас месяцы называются так же, как у нас. Мы — Исток! Хотя что-то вы, кажется, переделали... Чем дальше миры, тем больше у их обитателей желания что-нибудь изменить.

— Тогда расскажи, как у вас вообще все устроено. Тоже двенадцать месяцев?

— Тринадцать. И давай как-нибудь в другой раз это обсудим! Или я тебе книжку дам, сама прочитаешь.

— Как я смогу читать на вашем языке? — начала Нина, но запоздало вспомнила, что табличка «Заречье» прочиталась без проблем, хотя буквы на ней были явно не русские. Да и слово какое-то другое. — Как это получается? На каком языке мы вообще говорим?

Лицо магоса приобрело то самое выражение, какое появлялось у студентов, когда она на экзамене просила их привести предложенную базу данных к четвертой нормальной форме. Или хотя бы к третьей.

До объяснения он так и не снизошел. Просто отвернулся и двинулся дальше.

— Отличный способ уходить от ответа, — вполголоса пробурчала Нина и бросилась вдогонку.

Трактир отличался от окрестных домов разве что наличием второго этажа. Никакой вывески снаружи не наблюдалось, но магос решительно шагнул в приветливо распахнутые двери. Нина последовала за ним и замерла на пороге, дожидаясь, пока глаза привыкнут к полумраку. Несколько узких окон явно не хватало, чтобы осветить все помещение, а других источников света здесь не было: ни свечек, ни лампочек, ни камина, ни даже лучинки какой-нибудь.

Размышляя, как местные разгоняют темноту после заката, Нина с любопытством глазела по сторонам. Хотя глазеть оказалось особо и не на что: несколько длинных деревянных столов с такими же длинными лавками вдоль стен и высокая стойка типа барной прямо напротив входа. За стойкой виднелся дверной проем, полускрытый занавеской.

И все, больше ничего интересного в помещении не было. И никого — ни трактирщика, ни посетителей.

Магос досадливо поморщился, хотя вроде бы не удивился. Дошел до стойки и нервно побарабанил по ней пальцами. Ответа не последовало. Тогда он выждал еще немного — и от души пнул деревянную опору.

Стойка содрогнулась, шторка за ней колыхнулась, с той стороны что-то с грохотом упало и, судя по звуку, раскололось.

— Надеюсь, это не мой кофе, — раздалось из дальнего угла.

Нина вздрогнула. Несколько секунд назад она четко видела, что стол пуст, а сейчас за ним вдруг обнаружился человек. Да, он сидел на самом краю, подальше от окон, но все же не настолько далеко, чтобы совсем раствориться среди теней, подобно какому-то вампиру.

Да и не походил он на вампира: короткие светлые волосы, открытое добродушное и очень знакомое лицо, на котором резко выделялись чуть прищуренные и слишком уж холодные глаза. Которые при виде Нины слегка расширились от удивления.

Ага, значит, и ей лицо не зря показалось знакомым.

— Да чтоб вас всех с вашей маскировкой! — брякнул Ракун вместо приветствия.

— И вам доброго дня, достопочтенный магос, — прозвучало в ответ. — Нина, мое почтение. Никогда бы не подумал, что вы двое до сих пор вместе!

Ракун, мысленно выругавшись, ухватил спутницу за руку и подтянул к себе, моля всех богов, чтобы близорукая выхухоль не вздумала артачиться и доказывать милиту, что вовсе они не вместе.

Нина и не думала вырываться. Наоборот, сразу вспомнила, что она на нелегальном положении, и сама нырнула за спину магоса. Он явно ориентируется лучше, вот пусть сам и выкручивается.

Однако совсем спрятаться не получилось. «Дяденька-милиционер» все еще буравил ее взглядом, словно ждал чего-то.

— Здравствуйте, — пробормотала женщина, чтобы хоть как-то нарушить напряженное молчание. — Не ожидала, что вы меня помните.

— Вы незабываемы, — улыбнулся милит. И торопливо добавил: — Нет, это не комплимент. Я серьезно. Визит к вам был моей первой рабочей командировкой за пределы Истока. Такие вещи остаются в памяти надолго.

— А здесь вы какими судьбами? — напряженно поинтересовался магос.

— По работе. Ищу кое-кого.

— Надеюсь, не нас?

— А это зависит от того, что вы здесь делаете.

— Мы... — Ракун предупреждающе сжал руку Нины, давая понять, что говорить будет только он. — Так получилось, что тоже кое-кого ищем. Даже думали обратиться к вашим коллегам в Истоке. Но мне кажется, сначала стоит поесть, а потом уже обсуждать подобные вопросы. Дело потерпит.

По мнению Нины, дело как раз не терпело. В ее голове каждую минуту появлялись новые мысли о том, что могли сделать с беззащитной девочкой иномирские похитители. Ладно, раньше действительно не имелось других вариантов, кроме как дождаться рассвета. Но сейчас-то что мешает начать действовать?

Но магос почему-то максимально оттягивал объяснение: расслабленно уселся за стол напротив милита, усадил рядом с собой Нину и начал долгую бессмысленную беседу о погоде, природе и свежих новостях. Потом обернулся к стойке и громко поинтересовался, жив ли вообще трактирщик или то, что там разбилось за занавеской, было его головой.

— Нет, — пропищали из-за шторы, и наружу выглянула девчонка. Точнее, ее светловолосая макушка — остальное загоразживала стойка. Но голосок прозвучал явно девичий. — Извините. Я сейчас, уже бегу.

Девчонка выбралась из-за стойки целиком, бережно неся на вытянутых руках большую глиняную кружку, над которой клубился дымок. Кружка опустилась на стол, рядом лег вынутый из кармана передника пряник, малявка подула на обожженные пальцы и в упор

установилась на магоса. Точнее, на его сережку.

В отличие от пастуха страха и подобострастия в ее глазах не замечалось, скорее любопытство.

Нина тем временем с не меньшим любопытством изучала саму девчонку, одетую не то в длинную, славянского типа, рубашку, не то в короткое платье. В любом случае одежда выглядела хоть и чистой, но явно не новой, а из-под обмахрившегося подола торчали босые ноги.

— Заказывать чего будете? — спросила девчонка, с трудом переводя взгляд с сережки магоса на его лицо.

— Мяса, — решил тот. — Что угодно, но с мясом. И быстро.

— Быстро не получится, — вздохнула юная трактирщица. — Продукты в погребе, ключ от погреба у папки, а он дрыхнет. Марленка его будить побегла. Могу кофе налить, все равно целый котел наварила.

— Нет, только не кофе, — отмахнулся магос. — Пиво есть?

— Ага.

— Вот и тащи. Выхухоль, ты будешь?

После адского зелья от одной только мысли о еде у Нины подкатывал комок к горлу. А вот пить хотелось очень, и она решительно кивнула.

— Две кружки тащи, — резюмировал магос. — И хоть что-нибудь пожевать. Не все же у вас в погребе спрятано?

Девчонка кивнула и умчалась. Почти сразу же за занавеской что-то снова с треском грохнулось.

Милит отхлебнул кофе, поморщился, отодвинул кружку в сторону и наклонился над столом, положив подбородок на сцепленные руки.

— Рассказывайте, достопочтенный магос.

— Сейчас, пива дождусь.

— Мне эта малявка кофе полчаса варила. Имею все основания полагать, что пиво она будет наливать еще столько же. А я тороплюсь. Рассказывайте.

В этот раз Ракун увиливать не стал и кратко обрисовал суть дела, благополучно опустив момент с превращением Нины в статуэтку. В его изложении получилось, что женщина просто хотела проводить племянницу до Истока, а затем вернулась бы домой.

Милит, похоже, поверил. По крайней мере уточнять и переспрашивать не стал. Но и в погоню за похитителями тоже не бросился. Только спокойно кивнул:

— Понял. Сообщу в управление. Возможно, сам займусь. Данные обоих камней у меня остались еще с прошлого дела, так что, думаю, проблем с поиском не возникнет.

— А нам что теперь делать? — растерялась Нина.

— Езжайте домой. Если появится информация, я сам с вами свяжусь. И...

За занавеской снова что-то с грохотом рухнуло, и сразу же раздался тихий всхлип.

— Да чтоб вас всех! — неожиданно рявкнул магос, грохнул кулаком по столу и вскочил, чуть не опрокинув лавку. — Неужели так сложно пиво налить!

Нина попыталась успокоить взбесившегося мужчину, но от случайного прикосновения стало только хуже — тот дернулся в сторону, ругнулся сквозь зубы и метнулся за стойку, чуть не сорвав по пути занавеску. Следом ожидаемо последовала новая порция грохота, всхлипов и ругани.

— На вашем месте я бы держался от этого психа подальше, — тихо сказал милит,

наклоняясь поближе к Нине.

— Он просто волнуется. На самом деле он тоже беспокоится за Алину, вот и бесится.

— Мне так не кажется. Но раз уж мы остались наедине, позвольте спросить: я правильно понял, что вы не видели, кто забрал вашу племянницу?

— Нет. Я... я была под водой... — Объяснение выглядело довольно глупо. Нина пыталась вспомнить, как долго человек может задерживать дыхание и хватит ли этого времени, чтобы похитить девушку. По всему выходило, что не хватит. А как же тогда у долбаного колдуна получилось? — И я плохо вижу...

— Избавьте меня от ваших оправданий, не о том сейчас речь. Еще раз: вы видели похищение собственными глазами?

— Нет...

— У вас есть факты, свидетельствующие о похищении, кроме рассказа достопочтенного магоса? — Последние слова милит произнес так, словно они были ругательством.

— Нет.

— И последний вопрос: вы верите этому человеку?

— Нет, — обреченно выдохнула Нина.

— Вот видите, — развел руками ее собеседник. — Вы и сами все прекрасно понимаете. Я даже объяснять ничего не стану. А теперь скажите, где он на самом деле находился в тот день, когда погибли его брат и ваша сестра?

Нина вздрогнула и опустила глаза. Отчетливо не хватало чего-то, что можно нервно теревить в руках. Хоть бы салфетку какую на стол положили, что ли. Хоть что-то, на что можно отвлечься, чтобы не видеть, как дрожат пальцы.

— Пожалуйста, это очень важно, — не отставал милит. — Где он находился в тот день?

Очень хотелось сказать правду. Плунуть на все предостережения, рассказать все как есть — и будь, что будет. Все эти интриги, недомолвки — это не для нее, она никогда не умела врать и не хотела делать этого сейчас. Кроме того, она действительно не верила магосу. А сейчас, после сказанного, не верила вдвойне.

Но кроме него у нее здесь больше никого не было.

— Он провел у меня весь день.

Милит посмотрел на Нину как на душевнобольную, будто она заявила ему, что снег черный, что сейчас ночь, что в чашке не кофе, а болотная жижа. Впрочем, судя по запаху и цвету жидкости, последнее утверждение недалеко ушло от истины.

— Дура, — вполголоса пробормотал милит. — Какая же ты дура.

— Я бы попросил не оскорблять мою женщину, — вмешался магос, появляясь в дверях. В руках он держал две здоровенные кружки с пивом. — Да, особым умом не блещет. Но мозг для таких, как она, не самое главное, правда? Гляньте лучше, какие щечки!

Страж бесстрастно улыбнулся и вернулся к своему кофе, как будто ничего не произошло.

Магос опустил кружки на стол, а сам устроился на лавке поближе к Нине и фривольно приобнял ее за талию. Женщина внутренне сжалась, но смолчала. Снова появилась девчонка, притащила хлеб и тарелку с деревенским сыром и устроилась на свободной лавке, болтая ногами. Ей явно было любопытно послушать, о чем говорят взрослые.

Взрослые, как назло, общения особо не жаждали: магос ел с таким азартом, будто до этого голодал по меньшей мере неделю, милит торопливо допивал кофе, забыв про пряник, а Нина осторожно потягивала пиво — теплое, горькое и неожиданно крепкое. Для того чтобы утолить жажду, хватило и пары глотков, пить больше на голодный желудок не стоило, а есть

все еще не хотелось.

Наконец милит расправился со своим кофе, бросил на стол монетку, закинул в карман так и не надкушенный пряник и скрылся за дверью, напоследок одарив Нину недоверчивым взглядом. Но не успела она расслабиться, как в помещение ворвался заспанный мужчина, при виде которого девчонка-трактирщица сразу же спрыгнула с лавки и сделал вид, что просто шла мимо... куда угодно... Да вот хоть пустую чашку из-под кофе убрать.

Могла бы и не стараться: мужчина на нее едва глянул, сразу же бросился к столу, за которым сидели гости. Нина подумала, что сейчас он с разгону в них врежется, но тот резко затормозил и так же резко нагнулся, будто обронил что-то важное. И, не выправившись, затараторил:

[Купить полную версию книги](#)